ОЧЕРКИ

МАЛОРОССІИ.

Цѣна 15 коп. сер.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала: «Мірской Вѣстникъ.»
1865.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ 11 іюня 1865 г.

Въ типографіи В. Спиридонова.

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІИ.

I.

Почему Малороссія называется также Украйною.—Малорусское племя.—Бродники.—Начало казачества.—Запорожская сѣчь.—Пріемъ въ казаки. — Заслуги казаковъ, подвластныхъ Польшѣ.—Притѣсненія Поляковъ.

На югъ отъ Москвы и хлѣбородныхъ густо населенныхъ губерній: Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской и Воронежской, лежитъ богатая и плодородная часть обширной Русской имперіи, извѣстная вообще подъ названіемъ Малороссіи или Малой Руси. Русью стала именоваться эта страна со времени перенесенія столицы изъ Новгорода въ Кіевъ.

Послѣ Татарскаго погрома, совершенно опустошившаго весь югъ Россіи, такъ что онъ представлялъ «дикое поле», страна стала называться Украйною, т. е. крайнею русскою областью. На лѣвомъ берегу Днѣпра называли Украйною нынѣшнія губерніи: Харьковскую, Полтавскую и Черниговскую, а на правомъ—Кіевскую, Волынскую и Подольскую губерніи. Когда Россія изнемогла въ борьбѣ съ Монголами, правая сторона Днѣпра и часть лѣвой завоеваны были Литовскими князьями, а въ позднѣйшія времена перешла вмѣстѣ съ Литвою подъ власть польскихъ королей.

Православное малорусское племя, обитавшее въ Украйнѣ, занимало кромѣ того также и всю страну на сѣверъ отъ Карпатскихъ горъ до Кракова (*) и правый берегъ Вислы

(*) Во время пожара, бывшаго въ 1617 году въ предмѣстіи Кракова, сгорѣло три православныхъ церкви. Въ соборѣ святаго Станислава еще весьма недавно можно было читать въ куполѣ тексты Священнаго писанія на церковно-славянскомъ языкѣ.

до Вепря, или всю нынѣшнюю Галицію (пограничная съ Россіею область Австрійской имперіи) и большую часть Люблинской губерніи, нынѣ принадлежащей Царству Польскому.

Монголы, опустошивъ страну и обративъ въ пепелъ русскіе города, уничтожили вмѣстѣ съ тѣмъ и всякій гражданскій порядокъ. Кромѣ иноземныхъ враговъ терзали страну и бездомные шайки бродягъ, извѣстныхъ въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ названіемъ *бродниковъ*. Они, измѣнивъ великимъ князьямъ, передались Татарамъ и вмѣстѣ съ ними безжалостно губили свое отечество, ради корысти и наживы.

Населеніе раззоренной страны преимущественно сосредоточивалось на привольныхъ берегахъ Днѣпра и по притокамъ его. Татары, овладѣвъ Крымомъ, дѣлали оттуда безпрестанные набѣги на мирныхъ жителей, тысячами уводили ихъ въ неволю, истребляли жилища ихъ и отбивали стада и табуны лошадей. Жители Украйны, для защиты своей, положили основаніе Запорожской Сѣчи, на островахъ Днѣпра, южнѣе пороговъ, вблизи обычныхъ путей, по которымъ Крымскіе Татары вторгались въ Россію. Сѣчью называлось главное поселеніе казаковъ на островѣ Хортицѣ, гдѣ находилась церковь, артиллерія и склады пороха и снарядовъ. Безсемейная моледежь и въ особенности бѣглецы изъ польской Украйны, угнетаемые польскими панами, стекались толпами въ Сѣчь, на войну съ вѣчными врагами Христова имени, какъ называли въ тѣ времена Татаръ и Турокъ.

Запорожская Сѣчь, управлялась кошевыми атаманами, которымъ, при выборѣ ихъ въ это званіе, вручалась въ знакъ власти булава или перначь и бунчукъ. Всѣ обще-

ственныя дѣла, рѣшеніе войны и выборы кошевыхъ и куренныхъ атамановъ производились на радѣ или совѣщаніи казачьяго круга, который можно сравнить съ существующими нынѣ во всей Россіи мірскими сходками. Казаки жили въ Сѣчѣ въ общихъ жильяхъ, по нѣскольку десятковъ вмѣстѣ, и такія жилища называли куренями. Впослѣдствіи названіе это перешло также и на цѣлые отряды казаковъ, имѣвшіе особыхъ куренныхъ атамановъ, подъ предводительствомъ которыхъ они совершали отдаленые походы. Куренныхъ атамановъ казаки называли также батьками. Добыча, пріобрѣтенная во время набѣговъ, дѣлилась между участниками набѣга, но часть ее всегда отдѣлялась на церковь и на содержаніе клира.

Въ Сѣчь приходило множество народа и хоть бы кто-нибудь спросилъ: «откуда эти люди, кто они и какъ ихъ зовутъ?» Они приходили въ Сѣчь, какъ будто бы возвращались изъ недальнаго пути въ свой собственный домъ. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: «здравствуй, во Христа вѣруешь?»

— «Вѣрую!»

— «И въ церковь ходишь?»

— «Хожу!»

— «А ну, перекрестись?»

Пришедшій крестился.

— «Ну, хорошо,» говорилъ кошевой; «ступай же теперь въ который хочешь курень.»

Этимъ оканчивался пріемъ; вся Сѣчь молилась въ одной церкви и защищала вѣру православную до послѣдней капли крови.

Сѣчь состояла изъ шестидесяти куреней. Никто ничѣмъ

не заводился и ничего не держалъ у себя; все было на рукахъ у куреннаго атамана: деньги, платья, весь харчь, саламата, каша и даже топливо. Наказанія въ Сѣчи были весьма строги. Если казакъ проворовался, укралъ какую нибудь бездѣлицу, то это считалось уже поношеніемъ всему казачеству; виноватаго какъ безчестнаго, привязывали къ позорному столбу и клали возлѣ него дубину, которою всякій проходящій обязанъ былъ нанести ему ударъ, пока забивали его до смерти. Неплатившаго должника приковывали цѣпью къ пушкѣ, и онъ долженъ былъ сидѣть на ней до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ товарищей рѣшался его выкупить, заплативъ за него долгъ. Но болѣе всего страшна была казнь, опредѣленная за смертоубійство. Преступника живаго опускали въ могилу, сверхъ него ставили гробъ, съ тѣломъ убіеннаго, и потомъ обоихъ засыпали землею.

Таково было общественное устройство и бытъ Запорожскихъ казаковъ. Въ Сѣчь, на островъ Хортицу, приходили иногда на время и семейные казаки, наскучивъ мирною жизнью въ кругу своего семейства; эти пришельцы пировали, веселились, вмѣстѣ съ своими товарищами Запорожцами или уходили въ дальній походъ, на Турокъ, Татаръ или противъ Поляковъ.

Въ Сѣчи жили одни только мужчины; ни одинъ казакъ не смѣлъ привести съ собою въ Сѣчь женщину, хотя бы то была его мать или сестра. За это ослушники подвергались строгому наказанію. Главная цѣль запорожскихъ казаковъ была война съ невѣрными, то есть, Татарами и Турками невѣровавшими въ Іисуса Христа, но казаки не ограничивались одною защитою своего отечества, и по временамъ дѣлали также набѣги на крымскія и турецкія

земли. Иногда на легкихъ челнахъ они быстро спускались по Днѣпру въ Черное море, нападали на южные или западные берега его, и предавали всю страну опустошенію. Такъ они обратили въ пепелъ большіе турецкіе города Трапезунтъ и Синопъ, гдѣ тому назадъ десять лѣтъ храбрый адмиралъ Нахимовъ сжегъ турецкій флотъ. Неоднократно Запорожцы появлялись и въ окрестностяхъ Константинополя. Наводя ужасъ на султана, эти безстрашные воины, въ осмоленныхъ рубашкахъ, пренебрегая всякою роскошью, отправлялись въ дальніе походы съ нѣсколькими фунтами пшена, кускомъ сала и съ горсточкой родной земли, которую хранили они въ зашитомъ мѣшечкѣ, привязанномъ на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ, потому что всякій Запорожецъ желалъ, чтобъ и въ отдаленной чужбинѣ, когда славная смерть смѣжитъ храбрецу очи,—чтобъ ихъ покрыла родная земля.

Кромѣ Турокъ и Татаръ, сосѣдями казаковъ были также Поляки, поселившіеся въ Червонной Россіи въ XIV столѣтіи, а потомъ завладѣвшія также многими землями въ Подоліи и на Волыни. Они давно уже искали случая подчинить казаковъ своей власти, старались обѣщаніями и подарками склонить на свою сторону казацкихъ гетмановъ и почетныхъ старшинъ, сдѣлать Украйну совершенно польскою областью, а казаковъ обратить въ хлоповъ.

Находясь подъ владычествомъ Польши, отторгнутые насильственно отъ родной Россіи, Малоруссы сначала терпѣливо переносили чуждое иго, доколѣ короли польскіе не стали притѣснять православной вѣры. Всѣ счастливыя для Польши войны, величіе и слава ея была куплены русскою, казацкою кровью. Русскіе спасли Польшу отъ Ливонскихъ рыцарей, и Вѣна (столица Австрійской имперіи) не была

бы спасена отъ Турокъ, королемъ польскимъ Яномъ Собіесскимъ, безъ содѣйствія русскихъ, казацкихъ полковъ. Извѣстно, что походъ этого короля для спасенія Вѣны и всего христіанства отъ нашествія магометанъ предпринятъ былъ Собіесскимъ противъ желанія Поляковъ, которые за это покушались даже на жизнь своего короля. Ненависть Поляковъ къ этому королю за вѣнскій походъ была такъ велика, что они даже лишили дѣтей его польскаго престола, можетъ быть потому, что Собіесскій былъ русскаго происхожденія. Отецъ его, первый изъ своего рода принялъ латинство и перемѣнилъ свою прежнюю фамилію Собко— на Собіесскаго.

За благодѣянія оказанныя русскими, Поляки отплатили самою черною неблагодарностью: они стали притѣснять православную вѣру, истреблять русскій языкъ, русскій законъ и обычаи. Народъ, избѣгая гоненій, уходилъ въ Запорожскую Сѣчь, и народныя бѣдствія прекратились только съ возвращеніемъ страны подъ державу русскихъ государей.

II.

Первоначальныя поселенія Поляковъ въ Украйнѣ.—Права польскихъ шляхтичей.—Угнетеніе крестьянъ.—Усилія Поляковъ обратить русскихъ въ латинство.—Начало уніи.—Митрополитъ Исидоръ.—Епископы: Терлецкій и Рагоза.—Притѣсненія Поляковъ.—Смерть гетмана Косинскаго.—Походъ Наливайко.—Тяжелое время для Украйны.—Іосафатъ Кунцевичъ.—Запустѣніе Украйны.

По древнимъ законамъ ни одинъ Полякъ не могъ владѣть русскою землею, даже и въ томъ случаѣ, если эта земля доставалась ему въ приданое за женою. Всѣ дѣла общественныя рѣшались по приговорамъ мѣстныхъ волостныхъ

судовъ, называвшихся «копными судами.» Правосудіе этихъ судовъ было такъ безпристрастно, что русскіе князья охотно предоставляли имъ судъ и расправу. Въ судахъ, какъ въ Украйнѣ, такъ и во всей Литвѣ, употреблялся одинъ русскій языкъ, на которомъ писаны были и самые законы, составившіе впослѣдствіи Литовскій статутъ, переведенный потомъ на польскій языкъ.

Великіе князья Литовскіе равномѣрно употребляли одинъ русскій языкъ. Ягелло, первый изъ литовскихъ князей, принявшій латинскую вѣру, писалъ только по русски и всѣ бумаги подписывалъ на этомъ языкѣ. Русскій языкъ былъ всеобщимъ и въ самой Польшѣ до принятія ею латинской вѣры. Азбука употреблялась сначала Поляками церковно-славянская, впослѣдствіи же принята ими была нѣмецкая, и только съ прошлаго вѣка вошла въ употребленіе у Поляковъ латинская азбука; на польскихъ монетахъ надписи были также дѣлаемы въ древнія времена церковно-славянскими буквами, какъ наиболѣе понятными для народа.

Плодородная Украйна, богато надѣленная всѣми дарами природы, можно сказать, вполнѣ благоденствовала до насильственнаго соединенія Литвы съ Польшею въ 1569 году, когда Волынь и Подолія должны были войти въ составъ латинской Польши. Поселенія Поляковъ и жидовъ стали постепенно умножаться въ русскихъ областяхъ. Множество ксендзовъ и латинскихъ монаховъ распространяли въ странѣ латинство; во многихъ мѣстахъ появились латинскія часовни, на мѣстѣ которыхъ воздвигались впослѣдствіи каменныя костелы, на счетъ поборовъ съ православныхъ христіанъ. Мало по малу управленіе страною и всѣ должности въ судахъ перешли въ руки польскихъ чиновниковъ, отличавшихся

всегда мздоимствомъ. Польскіе короли, исповѣдовавшіе латинскую вѣру, щедро раздавали русскія земли польской шляхтѣ, которая подобно хищнымъ птицамъ, являлась въ страну съ одною·цѣлію скорой поживы. Такъ народъ русскій въ Украйнѣ ни въ комъ и нигдѣ не находилъ себѣ защиты. Въ особенности было бѣдственно положеніе земледѣльцевъ, потому что шляхта по польскимъ обычаямъ и законамъ имѣла безграничную власть надъ крестьянами. Каждый шляхтичь могъ за малѣйшій проступокъ, и даже безъ всякой вины казнить крестьянина смертію, заплативъ только ничтожную «головщинку» или пѣню за голову. Это пѣня при послѣднемъ польскомъ королѣ Станиславѣ Понятовскомъ не многимъ превышала три рубля, и то пѣня взыскивалась только въ такомъ случаѣ, если убитъ былъ чужой крестьянинъ, и если помѣщикъ рѣшался начинать изъ за него тяжбу (*). Если такъ была незначительна пѣня за жизнь человѣка, то могло ли существовать при подобномъ порядкѣ, какое либо право собственности или малѣйшее обезпеченіе чести. И дѣйствительно, жены и дочери крестьянъ подвергались со стороны шляхты крайнему насилію и позору; всѣ лучшія земли перешли во владѣніе пришельцевъ—Поляковъ. Копные суды совершенно утратили свою силу и опредѣленія ихъ не признавались шляхтой, которая замѣнила ихъ «гродскими судами,» всегда оправдывавшими насильственныя и неправедныя дѣйствія своихъ земляковъ.

Уже давно польское духовенство старалось объ обраще-

(*) Этотъ безжалостный законъ былъ уничтоженъ по настоянію посланника Императрицы Екатерины II, князя Репнина, въ 1768 г. на Радомскомъ сеймѣ, не взирая на единодушное желаніе всѣхъ польскихъ епископовъ и сенаторовъ сохранить въ своей силѣ этотъ законъ. Они обвиняли потомъ благороднаго князя Репнина въ нарушеніи ихъ шляхетскихъ правъ.

нiи Русскихъ въ латинство. Оно желало этого обращенiя не ради царствiя небеснаго, а для прiобрѣтенiя обширныхъ помѣстiй въ западной Россiи, потому что въ Польшѣ въ духовное званiе могли поступать только одни шляхтичи, и монахъ или ксензъ, облачившись въ рясу, не переставалъ быть шляхтичемъ. Хотя латинское духовенство никогда не стѣснялось выборомъ насильственныхъ мѣръ для обращенiя православныхъ въ свою вѣру, но оно сочло за лучшее въ настоящемъ случаѣ прибѣгнуть къ хитрости и обману, основывая расчетъ свой на легковѣрiи простодушнаго населенiя. Впрочемъ оно убѣдилось при введенiи въ западной Россiи въ 1436 году инквизицiи т. е. судилища для преслѣдованiя и наказанiя противниковъ латинства,—что насильственныя обращенiя не приносятъ желаемой для нихъ пользы. Съ этой цѣлью на Флорентiйскомъ соборѣ въ 1439 г. положено было ввести въ русскихъ областяхъ *унiю*, то есть соединенiе православiя съ латинствомъ. На основанiи этаго новаго вѣроисповѣданiя, требовалось отъ православныхъ признанiе главою церкви римскаго епископа или папу и вѣрованiя въ его непогрѣшимость; всѣ же обряды могли оставаться православные и языкъ при богослуженiи—церковно-славянскiй. Бывшiй на соборѣ, московскiй митрополитъ Исидоръ, родомъ Грекъ, безъ разрѣшенiя московскаго великаго князя Василiя Васильевича и безъ полномочiя отъ православнаго духовенства, изъявилъ свое согласiе на введенiе унiи въ православныхъ земляхъ; но по прибытiи въ Москву, онъ былъ обличенъ въ вѣроотступничествѣ, преданъ суду и спасся отъ наказанiя бѣгствомъ, проклинаемый всѣми. Такъ первая попытка ввести унiю въ Россiю оказалась неудачною.

Спустя полтора столѣтiя, латинскiе монахи, извѣстные

подъ названіемъ іезуитовъ, снова рѣшились ввести въ русскихъ земляхъ унію и воспользовались тѣмъ, что два православные епископа: Терлецкій и Рогоза должны были подвергнуться строгому патріаршему суду за совершенныя ими преступленія; они предложили имъ, во избѣжаніе наказанія, содѣйствовать распространенію уніи между православными. Преступные епископы, не убоявшіеся Бога, не только сами поддались соблазну, но и увлекли еще трехъ епископовъ. Въ 1594 году на созванномъ митрополитомъ Рогозою соборѣ въ Брестѣ, отступники отъ православія подписали соборное опредѣленіе объ уніи.

Казаки съ негодованіемъ узнали объ этомъ нововведеніи; они и слышать не хотѣли объ уніи, и рѣшились общими силами отстоять свою вѣру, свои права и независимость. Предводителемъ недовольныхъ былъ храбрый гетманъ Павелъ Наливайко. Онъ поклялся отомстить Польшѣ за раззореніе родной земли, за жестокости надъ православными, за смерть своего предшественника, гетмана Косинскаго, котораго Поляки безвинно предали казни. Вся Украйна знала, что Косинскій тѣмъ только былъ не любъ Польшѣ, что постоянно увѣщевалъ своихъ соотечественниковъ твердо держаться отеческой, православной вѣры. И за это враги осудили Косинскаго на страшную смерть: на монастырскомъ дворѣ поставили высокій, каменный столбъ и въ немъ замуровали (заложили кирпичами) гетмана Косинскаго.

Наливайко повелъ своихъ казаковъ противъ враговъ, а противъ него, съ польскимъ войскомъ выступилъ воевода Жолкевскій.

Такъ началась продолжительная борьба казаковъ съ Поляками. Оба войска—польское и казацкое стояли одно про-

тивъ другаго. Наливайко не хотѣлъ первый начинать битву; онъ выставилъ на пригоркѣ три бѣлыя хоругви, съ крестами, и съ надписями: «Миръ христіанству; на зачинающаго Богъ и его крестъ!» Но польскія войска насупротивъ тѣхъ хоругвей выставили три висѣлицы, и повѣсили на нихъ трехъ малороссіянъ, старшинъ, людей честныхъ и всѣми уважаемыхъ. На висѣлицахъ была сдѣлана надпись: «кара бунтовщикамъ.»

Началась кровопролитная битва и продолжалась сряду семь часовъ; не устояли Поляки, и въ бѣгствѣ искали спасенія. Казаки навалили вокругъ висѣлицъ 17,330 убитыхъ Поляковъ, а тѣла казненныхъ старшинъ сняли, и съ почетомъ похоронили въ городѣ Чигиринѣ, въ Преображенскомъ соборѣ. Въ надписи надъ ихъ могилою сказано было, что они пострадали неповинно, и умерли какъ мученики за свою вѣру.

Послѣ этого пораженія Поляковъ, Наливайко раздѣлилъ свое войско на двѣ части, и прошелъ по всей Украйнѣ, отовсюду изгоняя враговъ. Три съ половиною мѣсяца продолжался походъ Наливайки. Поляки постоянно претерпѣвали пораженіе; города Могилевъ на Днѣстрѣ и Слуцкъ были сожжены. Наконецъ прибылъ отъ польскаго короля гонецъ съ извѣстіемъ, что король подтверждаетъ права и вольности казаковъ и приказываетъ заключить съ ними миръ на вѣчныя времена.

Съ радостью услышалъ храбрый Наливайко, что окончена жестокая война. Онъ самъ, съ тремя выборными поѣхалъ въ Варшаву, поклониться королю и договориться съ Поляками. Но въ Варшавѣ вѣроломно захватили Наливайко и его товарищей и осудили на казнь. Наливайко былъ сожженъ съ товарищами въ пустомъ мѣдномъ быкѣ.

Настала страшная невзгода для всей Малой Руси. Поляки мстили за претерпѣнныя ихъ войсками пораженія. Казаки объявлены были бунтовщиками, и власть Поляковъ все болѣе и болѣе тяготѣла надъ русскимъ народомъ.

По законамъ польскимъ, Русскіе не только не допускались въ сенаторы, или въ другія высшія должности, но и вообще были устранены отъ всѣхъ мѣстъ. Владѣть землею могли только одни католики. Древнія княжескія и дворянскія русскія фамиліи: Радзивиллы, Чарторижскіе, Сапѣги, Сангушки, Тышкевичи, Четвертинскіе, Собіесскіе и Вишневецкіе должны были принять латинство, чтобъ сохранить свое достояніе потомству. Пользованіе гражданскими правами и покровительство властей пріобрѣталось измѣною православію. Притѣсненія для земледѣльцевъ и вообще простолюдиновъ иногда доходили до невѣроятной жестокости, преимущественно отъ іезуитовъ и уніатскаго духовенства. На жалобы страдальцевъ никто не обращалъ вниманія.

Особеннымъ звѣрствомъ отличался въ эти времена отступникъ отъ православія, бывшій сапожникъ, Полоцкій уніатскій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ; объѣзжая край, съ толпою Поляковъ, онъ отбиралъ отъ православныхъ встрѣчавшіяся на пути церкви и обращалъ ихъ въ уніатскія храмы. Насилія его были до того чрезмѣрны, что самъ канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга, за годъ до смерти Кунцевича, долженъ былъ увѣщевать его и писалъ къ нему: «у васъ полны земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши и владѣльческія канцеляріи позвовъ, тяжебъ, доносовъ, чѣмъ не только уніи утвердить не можно, но и послѣдній въ обществѣ союзъ любви расторгнется и наполнятся сеймы и всѣ присутственныя мѣста раздорами и заботами.»

Но Кунцевичъ не унимался. По его распоряженію избивали до смерти православныхъ, которые, по не имѣнію въ городахъ церквей, собирались за городомъ, въ лѣсахъ и шалашахъ, для слушанія божественной службы. Кунцевичъ не оставлялъ даже и мертвыхъ. Такъ въ Полоцкѣ онъ приказывалъ вырывать изъ могилъ недавно умершихъ православныхъ, и трупы ихъ отдавалъ на съѣденіе собакамъ.

Православные, не видя конца своимъ страданіямъ даже и послѣ смерти, обратились къ единовѣрцамъ своимъ, казакамъ, съ просьбою выручить ихъ отъ невыносимыхъ притѣсненій безумнаго Кунцевича. Въ ноябрѣ 1623 года, прибывъ со свитою въ Витебскъ, Кунцевичъ началъ, по обыкновенію, отбирать отъ православныхъ ихъ храмы. Въ одно утро, слуги Кунцевича напали на проходившаго священника, избили его и заперли въ подвалъ того дома, гдѣ остановился Кунцевичъ. Казаки и православные узнали о томъ, ударили въ набатъ и во время нападенія на домъ, въ которомъ остановился Кунцевичъ, убили его и тѣло бросили въ рѣку. Хотя всѣ виновные въ смерти Кунцевича, и спаслись бѣгствомъ, однако же пріѣхавшая вскорѣ коммисія, безъ изслѣдованія преступныхъ дѣйствій и притѣсненій Кунцевича, въ три дня осудила и предала смерти болѣе десяти человѣкъ, изъ числа наиболѣе уважаемыхъ жителей города. Затѣмъ всѣхъ жителей города лишили и тѣхъ скудныхъ правъ, которыми они пользовались до того времени. Кунцевичъ же, погубившій себя своими злодѣяніями и сумазбродствомъ, былъ объявленъ мученикомъ, пострадавшимъ отъ православныхъ. Іезуиты и уніатское духовенство провозгласили его блаженнымъ, а неистовства его—вѣчно достойными памяти. Въ настоящемъ же 1865 году, римскій епископъ или Папа со-

причислилъ этого безпощаднаго гонителя православныхъ къ лику святыхъ латинской церкви. Даже и теперь латинскіе ксендзы пользуются легковѣріемъ добродушнаго народа: они показываютъ въ окрестностяхъ Полоцка большой полевой камень, съ изображеніемъ будто бы Кунцевича, очевидно сдѣланнымъ долотомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ должно быть лицу, камень имѣетъ нѣсколько бѣловатый цвѣтъ. Это изображеніе выдается за чудо природы, произведенное будто бы однимъ взглядомъ проходившаго мимо Кунцевича.

Не менѣе печальное зрѣлище представляла и вся южная Россія въ эти горестныя времена. Кіевъ—матерь городовъ русскихъ древняя столица государей нашихъ и равноапостольнаго князя Владиміра, гдѣ покоятся святыя мощи русскихъ чудотворцевъ,—утратилъ въ эти времена прежнее величіе. Златоглавый Кіевъ обратился въ незначительный городокъ. и въ немъ оставалось не болѣе 6000 жителей; на мѣстѣ великокняжескихъ палатъ русскихъ государей виднѣлись одни развалины; православные храмы были отданы уніатамъ; въ городахъ Холмѣ и Львовѣ запретили православнымъ священникамъ причащать больныхъ св. Дарами. Выдубицкій монастырь, соборъ св. Софіи и многія другія церкви въ Кіевѣ были ограблены, и православные собирались за городомъ въ шалашахъ совершать богослуженіе. Если же Поляки узнавали объ этомъ, то они посылали отрядъ польскаго войска, и разгоняли православныхъ. Дошло до того, что даже православные храмы были отданы на откупъ жидамъ; у нихъ же на откупѣ была и святая пасха. Предъ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, на рынкахъ жиды продавали за дорогую цѣну хлѣбы для пасхи, и каждый православный долженъ былъ покупать на рынкѣ пасху, отмѣченную

жидами мѣломъ или углемъ. Кто приготовлялъ пасху дома, съ того брали пошлину въ церкви, предъ освященіемъ. Уніаты платили за пасху гораздо дешевле, но они должны были для этого приходить на рынокъ съ надписью на груди: «уніатъ.» Наконецъ жиды начали принуждать православныхъ покупать не по одной пасхѣ, а по числу душъ въ семействѣ.

III.

Богданъ Хмельницкій. — Начало вражды Хмельницкаго съ Поляками.—Замыслы Хмельницкаго.—Съѣздъ казацкихъ полковниковъ въ лѣсу.—Хмельницкій въ Запорожской Сѣчи.—Битва при Жовты Воды.—Пораженіе Поляковъ близь Корсуня. — Гайдамаки.—Встрѣча Хмельницкаго въ Кіевѣ.—Казацкая рада въ Переяславлѣ.—Присоединеніе Украйны къ Россіи.—Смерть Богдана Хмельницкаго.

Наконецъ дождалась Украйна освободителя; это былъ гетманъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій.

Хмѣльницкій былъ природный казакъ; онъ учился въ одномъ изъ духовныхъ училищъ на Украйнѣ, и считался между своими земляками очень книжнымъ, ученымъ человѣкомъ. Въ молодости Хмельницкій служилъ при дворѣ однаго богатаго польскаго вельможи Потоцкаго, но потомъ перешелъ къ Запорожцамъ, и за свою храбрость, сметливость и осторожность избранъ былъ генеральнымъ писаремъ. Надобно замѣтить, что эта должность считалась въ казацкой службѣ весьма почетною.

У Хмельницкаго былъ небольшой хуторъ, гдѣ онъ и жилъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Хуторъ этотъ понравился одному изъ польскихъ вельможъ—Чаплинскому. Недолго думая, Чаплинскій напалъ съ войскомъ на хуторъ Хмельницкаго, захватилъ его со всѣмъ имуще-

ствомъ, а одного изъ сыновей Хмельницкаго засѣкъ до смерти. Хмельницкій жаловался гетману, искалъ правосудія въ судахъ, но нигдѣ не могъ найти себѣ защиты противъ богатаго и знатнаго Чаплинскаго. Тогда озлобленный Хмельницкій сказалъ:

—«Маю (имѣю) шаблю въ руци; еще казацька не умерла мати.»

За эти слова Хмельницкій былъ посаженъ въ тюрьму. Какъ только онъ освободился изъ заточенія, тотчасъ же поѣхалъ въ Варшаву жаловаться королю на притѣсненія Чаплинскаго и другихъ знатныхъ Поляковъ. Но и въ Варшавѣ жалобы его не были уважены.

Тогда уже ничего не оставалось Хмельницкому, какъ взяться за свою саблю. Возвращаясь изъ Варшавы, Хмельницкій останавливался почти въ каждомъ селѣ, разсказывалъ о претерпѣнныхъ обидахъ, и вывѣдывалъ, готовы ли казаки подняться на Поляковъ, какъ было во времена Наливайко, Трясилы и Остраницы; православные священники увѣряли Хмельницкаго, что весь народъ охотно встанетъ на защиту своихъ правъ. «Ежечасно молимъ мы Бога,» говорили они, «чтобы Господь послалъ кого нибудь отмстить врагамъ за наши несчастія. Берись за оружіе, тогда и мы встанемъ съ тобою; поднимется русская земля, какъ никогда еще не поднималась.»

Это было 1646 году. Хмельницкому надобно было склонить на свою сторону старыхъ, заслуженныхъ воиновъ— полковниковъ и старшинъ казацкихъ. Онъ назначилъ имъ съѣздъ ночью въ лѣсу.

Собрались сѣдоусые старшины, закаленные въ битвахъ, съ рубцами отъ польскихъ сабель на морщинистыхъ лбахъ. Имъ принесъ жалобу Хмельницкій на всѣ обиды и не-

правды, уговорилъ всѣхъ полковниковъ пойти на защиту православныхъ, и тутъ же былъ избранъ гетманомъ.

Хмельницкій немедленно отправился въ Запорожскую Сѣчь. Онъ тотчасъ же собралъ раду, и ставъ посреди казаковъ, поклонился по обычаю на всѣ стороны, и началъ говорить о тяжеломъ времени, которое настало для Украйны.

—«Посмотрите на меня,» говорилъ Хмельницкій, «я старый запорожскій казакъ и войсковой писарь, а сколько горя и обидъ претерпѣлъ я отъ враговъ: сына у меня убили, все имущество отняли, лишили даже походнаго коня и осудили на смерть. Теперь я къ вамъ пришелъ, старые товарищи, укройте меня!»

—«Принимаемъ тебя Хмельницкій хлѣбомъ—солью и щирымъ сердцемъ,» отвѣчали Запорожцы.

Хмельницкій призвалъ къ себѣ на помощь Татаръ изъ Крыма, и тотчасъ-же началъ приготовляться къ походу. Вскорѣ по всей Украйнѣ пронеслась вѣсть, что Хмельницкій идетъ съ Запорожцами на Поляковъ; казаки, крестьяне, всѣ православные толпами начали собираться въ Сѣчь, къ Хмельницкому.

Весною 1647 года выступилъ Хмельницкій съ казацкимъ войскомъ, а на встрѣчу имъ выступилъ польскій воевода Потоцкій, съ 50,000 арміею. Онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что не хотѣлъ самъ сражаться съ казаками, а выслалъ противъ нихъ своего сына, съ 12,000 отрядомъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправленъ былъ и старый казацкій гетманъ Барабашъ, съ тѣми казаками, которые еще не успѣли присоединиться къ Хмельницкому.

Близь потока Жовты—воды, укрѣпился Хмельницкій съ своимъ отрядомъ. Потоцкій подошелъ къ казацкому табо-

ру, и остановился, ожидая Барабаша, который съ казаками плылъ въ ладьяхъ по рѣкѣ. Но онъ не дождался его.

Хмельницкій на берегу сторожилъ казацкія ладьи. Онъ сталъ увѣщевать казаковъ не идти противъ родныхъ братьевъ. «Зачѣмъ вы будете проливать кровь братьевъ?» говорилъ Хмельницкій; «развѣ не одна мать Украйна породила насъ? Кому вы станете пособлять: Польшѣ, или матери своей Малой Руси?»

— «Идемъ, идемъ съ тобою!» закричали казаки, и всѣ присоединились къ Хмельницкому; они изорвали свои знамена, бросились на старшинъ, которые были всѣ изъ польской шляхты, убили и гетмана своего Барабаша: онъ въ это время пьяный лежалъ на днѣ своей лодки; казаки пронзили его копьемъ и бросили въ рѣку. Съ того времяни осталась поговорка про Барабаша, что онъ «жизнь пропилъ, а смерть проспалъ.»

Пришлось Потоцкому одному вступить въ бой съ казацкою силою. Недолго продолжалась битва. Поляки начали отступать, но въ это время на нихъ нагрянули Татары, союзники казаковъ. Весь польскій отрядъ былъ истребленъ, молодой Потоцкій убитъ, и только нѣсколько всадниковъ, спасшихся отъ гибели, извѣстили главнаго польскаго гетмана Потоцкаго о смерти его сына и о пораженіи польскихъ войскъ.

Едва пришла эта вѣсть, какъ вдалекѣ показались казацкіе отряды. Хмельницкій преслѣдовалъ отступавшаго Потоцкаго и безпрерывно тревожилъ его нападеніями. У города Корсуня была скрыта въ лѣсу засада, и тутъ-то Хмельницкій приготовился къ рѣшительному нападенію на польское войско. Поляки не выдержали натиска и побѣжали,

а казаки и татары преслѣдовали и поражали бѣгущихъ. Видя, что нѣтъ спасенія, Потоцкій сѣлъ въ свою коляску, и спокойно ожидалъ своей участи. Его, вмѣстѣ съ другими начальниками польскаго войска, плѣннаго привели къ Хмельницкому.

Какъ только вѣсть о пораженіи Поляковъ распространилась по селамъ и городамъ, тотчасъ же поднялась вся Украйна. Народъ толпами шелъ въ мѣстечко Бѣлую-Церковь, гдѣ расположился Хмельницкій съ казаками. Хмельницкій составлялъ изъ казаковъ и новоприбывшихъ крестьянъ небольшіе отряды и отправлялъ ихъ «очищать землю Русскую отъ иноплеменниковъ.» Эти отряды назывались гайдамаками, и тамъ, гдѣ проходили гайдамаки, оставались только груды труповъ и обгорѣлыя развалины. Страшно мстили казаки. Особенно извѣстны были своею предпріимчивостью и смѣлостію начальники гайдамацкихъ отрядовъ: Лисенко Вовгуръ, Гайчура, Морозенко и Максимъ Кривоносъ, котораго Хмельницкій отправилъ раззорять помѣстья князя Іереміи Вишневецкаго, самого сильнаго врага казаковъ.

Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что если казаки и поступали иногда жестоко съ ксендзами и польской шляхтой, особенно во время сраженія, то и Поляки съ своей стороны отличались звѣрствомъ, по истиннѣ безпримѣрнымъ. О безчеловѣчіи ихъ много сохранилось достовѣрныхъ свидѣтельствъ, въ документахъ того времени. На большихъ дорогахъ, при въѣздахъ въ города и селенія, вездѣ торчали на кольяхъ четвертованные трупы православныхъ, замученныхъ и преданныхъ смерти изъ за поклажевъ (кладовъ), которыхъ будто бы несчастные не хотѣли указать, тогда какъ бѣднякамъ нечего было и прятать въ землю. Равномѣрно не давалось пощады ни старикамъ, ни

женщинамъ, ни ихъ дѣтямъ при отказѣ православныхъ признать римскаго папу намѣстникомъ Іисуса Христа. По одному подозрѣнію въ сношеніяхъ съ казаками, безжалостно истреблялись поголовно православные жителя цѣлыхъ селеній и даже городовъ. Такъ въ 1649 г. стражникъ литовскій Мирскій предалъ смерти всѣхъ жителей города Пинска, не исключая женъ и дѣтей ихъ, всего болѣе 3000 человѣкъ. Къ вѣчному стыду тогдашнихъ предводителей Поляковъ, кровожадность ихъ часто соединялась съ вѣроломствомъ, и возбуждаема была ненасытнымъ корыстолюбіемъ. Православные мѣщане города Бобруйска сдавшіеся въ томъ же 1649 году на честное слово польскому гетману литовскому князю Янушу Радзивиллу были преданы неслыханнымъ истязаніемъ. Желая вымучить отъ нихъ зарытыя будто бы въ землю сокровища, Радзивиллъ приказалъ отрубить головы 150 человѣкамъ, посадилъ на колья болѣе 100 человѣкъ и не довольствуясь этимъ, предалъ смерти еще 400 человѣкъ? Раздраженный этими казнями, не доставившими ему ожидаемыхъ богатствъ, Радзивиллъ приказалъ остальному народонаселенію Бобруйска, болѣе 800 человѣкамъ отсѣчь руки.... Сердце цѣпенѣетъ отъ ужаса, при чтеніи въ лѣтописяхъ того времени всѣхъ страданій, которымъ безвинно подвергались православные. Изобрѣтателями мученій и руководителями польской шляхты были по большой части латинскіе монахи—іезуиты, пріѣзжавшіе въ деревни съ цѣлію обращенія Русскихъ въ унію. Они указывали кровожадной шляхтѣ на людей благочестивыхъ и твердыхъ въ православіи, какъ на препятствіе къ распространенію латинства, и разумѣется послѣ такихъ указаній слѣдовала смерть православныхъ. Особенно замѣчателенъ былъ въ это время по изувѣрству

своему іезуитъ Андрей Бобали. Послѣ истребленія стражникомъ Мирскимъ жителей города Пинска, этотъ злодѣй съ сотнями товарищей своихъ-іезуитовъ и при помощи вооруженной шляхты, сталъ ходить по деревнямъ Полѣсья, и силою обращать народъ въ унію. Много лѣтъ неистовства Бобали оставались безнаказанными, пока наконецъ посланные Богданомъ Хмельницкимъ отряды казаковъ, подъ начальствомъ Попенки и Зеленецкаго поймали въ 1657 году около Янова этого злодѣя, спрятавшагося въ возу сѣна. Попенко приказалъ его повѣсить, какъ возмутителя общественнаго спокойствія. Іезуиты же провозгласили товарища своего мученикомъ и блаженнымъ, описали его жизнь, разукрасивъ ее небывалыми мученіями и чудесами собственной выдумки. Книжки съ жизнеописаніемъ его они раздаютъ и нынѣ еще даромъ добродушнымъ жителямъ Малороссіи и Бѣлоруссіи при приглашеніи принять унію или латинство. Впрочемъ обманщики-іезуиты давно уже изгнаны изъ Россіи а также и изъ другихъ государствъ, кромѣ Австріи.

Тяжело было православному народу русскому, въ польскихъ областяхъ и только одни казаки съ своимъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ крѣпко стояли за несчастный измученный народъ, мстили Полякамъ за ихъ неистовства. Оттого во всей Украйнѣ народъ встрѣчалъ Хмельницкаго, какъ своего избавителя. Въ 1649 году Хмельницкій, послѣ многихъ побѣдъ надъ Поляками, торжественно въѣхалъ въ Кіевъ, при звонѣ колоколовъ, съ гетманскою булавою въ рукахъ. Надъ головою его развѣвалось войсковое знамя. Толпы народа, старшины и полковники казацкіе сопровождали его. А на встрѣчу Хмельницкому вышелъ изъ собора митрополитъ, въ сопровожденіи всего

духовенства, и привѣтствовалъ храбраго гетмана избавителя отъ имени всей Украйны.

Долго еще и послѣ того продолжались въ Украйнѣ кровавыя битвы; самъ король выходилъ съ войскомъ противъ Хмельницкаго, но все напрасно: казаки большею частію одолѣвали польскія рати. Хотя и случалось иногда Хмельницкому терпѣть пораженіе, но уже вся Украйна соединилась съ Хмельницкимъ, и гайдамаки не переставали тревожить и нападать на отдѣльныя польскія мѣстечки. Кровь лилась по всей Украйнѣ.

Хмельницкій видѣлъ, однако же, что козаки хотя и храбро бьются а не устоять имъ однимъ, и что рано или поздно Польша вновь утвердитъ свою власть надъ Украйною, а не то Малою Русью завладѣютъ Турки или Крымскіе Татары. Надобно было вступить въ вѣчный и въ неразрывный составъ сильной державы, которая бы могла оборонить казаковъ отъ притѣсненій. Хмельницкій рѣшился обратиться къ царю московскому Алексѣю Михайловичу, съ просьбою принять Украйну подъ свою державную руку. По просьбѣ Хмельницкаго присланъ былъ изъ Москвы бояринъ Бутурлинъ, чтобы принять отъ казаковъ присягу на подданство царю московскому.

Это было 8 января 1654 года. Въ городѣ Переяславлѣ назначена была казацкая рада (сходка). Раннимъ утромъ довбыши ударили въ литавры, и казаки толпами стали собираться на площадь. Вскорѣ прибылъ туда старый гетманъ Хмельницкій, съ войсковыми старшинами. Поклонясь на всѣ стороны, Хмельницкій началъ говорить:

— «Панове полковники, есаулы, сотники, все войско запорожское, и всѣ православные христіане! Всѣмъ вамъ извѣстно, что насъ Богъ освободилъ отъ рукъ враговъ,

но нельзя намъ жить безъ царя. Изберите себѣ въ цари государя, котораго захотите: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго, или же православнаго царя Великой Руси. Султанъ турецкій—басурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую невзгоду терпятъ наши братья, православные христіане, и какъ ихъ притѣсняютъ безбожники. Крымскій ханъ—тоже басурманъ, а православный русскій царь одной вѣры съ нами. Этотъ великій царь христіанскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое сердце, и прислалъ своихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Присоединимся къ его великой державѣ; кто же съ нами несогласенъ, тому вольная дорога—иди, куда хочешь.»

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, вся толпа на площади переяславской, всѣ казаки, которые тѣснились кругомъ на крышахъ и заборахъ, закричали въ одинъ голосъ:

— «Да здравствуетъ царь православный!»

Спросивъ еще разъ, всѣ ли того желаютъ, Хмельницкій сказалъ громкимъ голосомъ:

— «Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ царскою рукою!» И весь народъ еще разъ отвѣчалъ общимъ, единогласнымъ крикомъ:

— «Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобъ мы на вѣки всѣ были едино!»

Для охраненія Украйны прислано было русское войско, и съ того времени казаки стали участвовать вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ во всѣхъ войнахъ Россіи съ иностранными державами.

Изъ за Украйны возгорѣлась опять въ 1655 году война Россіи съ Польшею; долго продолжалась эта война, наконецъ по договору, заключенному въ мѣстечкѣ Андрусовѣ, было постановлено: Украйну раздѣлить на двѣ части;

землямъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра быть въ подданствѣ Россіи, а землю по правой сторонѣ—оставить въ подданствѣ Польши. Кіевъ также возвратить Польшѣ, а Запорожцамъ быть подъ покровительствомъ обѣихъ державъ, и охранять Польшу и Русь отъ вторженій Татаръ и Турокъ. Только въ послѣдующія царствованія златоглавый Кіевъ, вмѣстѣ съ остальною частію Украйны, присоединенъ былъ также къ единовѣрной Россіи.

Такъ, дѣятельностью, умомъ и подвигами Богдана Хмельницкаго, часть Украйны навсегда отдѣлилась отъ Польши, и вошла въ составъ единовѣрнаго Русскаго царства. Но еще долго продолжались смуты на Украйнѣ, долго лилась кровь казацкая, пока успокоился край, и казаки получили возможность безъ страха заниматься мирными ремеслами, земледѣліемъ, промыслами и торговлею.

15 августа 1657 года умеръ знаменитый избавитель Украйны гетманъ Богданъ Хмельницкій. Козаки неутѣшно плакали по своемъ старомъ гетманѣ. «Не вѣтры осенніе бушуютъ въ дубровѣ,» такъ говорится въ одной старинной казацкой думѣ (пѣснѣ), «то плачутъ и вопятъ козаки, погребая своего батьку, стараго Хмельницкаго.»

III.

Избраніе гетманомъ Выговскаго.—Измѣна Выговскаго.—Казацкая рада въ Гадячѣ.—Гетманъ Брюховецкій.—Вражда Брюховецкаго съ гетманомъ Дорошенко.— Нашествіе Турокъ на Украйну. — Плѣнъ Дорошенко.—Избраніе гетманомъ Самойловича.—Походъ Русскихъ и казаковъ противъ Крыма.—Пожаръ Крымской степи.—Неудовольствіе казаковъ на гетмана Самойловича.—Судъ надъ Самойловичемъ.

Послѣ смерти Хмельницкаго малороссійскимъ гетманомъ былъ избранъ Выговскій. Онъ былъ не Русскій, а По-

лякъ, взятый въ плѣнъ въ началѣ гетманства Хмельницкаго. Выговскій былъ изворотливъ, ловокъ и пронырливъ. Вскорѣ дослужился онъ до почетнаго званія *войсковаго писаря,* и былъ главнымъ помощникомъ гетмана. Старый гетманъ Хмельницкій цѣнилъ его умъ и способности, слушался его совѣтовъ, но обходился съ нимъ круто и неласково. Однажды, въ гнѣвѣ на Выговскаго, онъ приказалъ положить его на столъ, и приковать цѣпями.

Вскорѣ послѣ избранія Выговскаго гетманомъ, обнаружилось, что онъ замышляетъ измѣнить Русскимъ, и снова передать Украйну Полякамъ. Съ этою цѣлью Выговскій сталъ распускать слухъ, что царь хочетъ «уменьшить казачье войско до 10000 человѣкъ, да и тѣхъ сдѣлать солдатами, а народъ заставить ходить въ лаптяхъ.» Въ тоже время въ Москву приходили жалобы, что Выговскій собираетъ подати не въ *войсковой скарбъ* (казну), а для своего собственнаго обогащенія; что онъ даже уговариваетъ Крымскаго хана напасть на Украйну. Чтобы удостовѣриться въ справедливости этихъ жалобъ, посланъ былъ изъ Москвы къ гетману Выговскому гонецъ съ царскою грамотою. Прибылъ гонецъ, и вручилъ грамоту гетману, который принялъ ее, приказалъ читать, а самъ сѣлъ. Тогда гонецъ московскій замѣтилъ, что царскую грамоту должно слушать стоя. Выговскій повиновался, но весьма не охотно. «Все-то у васъ высоко дѣлается,» говорилъ онъ, какъ бы признавая себя не подданнымъ русскаго царя, а независимымъ государемъ.

Въ это время уже приближались къ Украйнѣ Поляки, которыхъ Выговскій призвалъ къ себѣ на помощь. Узнавъ о прибытіи польскихъ комиссаровъ (чиновниковъ, которымъ было поручено переговорить и условиться съ гетманомъ),

Выговскій тотчасъ же собралъ въ городѣ Гадячѣ казацкую *раду* (сходку). Туда же прибыли и польскіе комиссары. Поклонившись по обыкновенію на всѣ четыре стороны, Выговскій объявилъ имъ, что казаки снова желаютъ союза съ Польшею. Польскіе посланные начали также лестью и обѣщаніями склонять казаковъ къ подчиненію Польшѣ. «Зачѣмъ вы, панове соединились съ Москвою,» говорили хитрые Поляки; «Русскіе будутъ притѣснять васъ и вашу вѣру, заставятъ ходить въ лаптяхъ. Лучше соединитесь опять съ Польшею. Наияснѣйшій панъ (т. е. король) возвратитъ вамъ всѣ ваши вольности, и дастъ еще новыя.»

Когда русскіе воеводы узнали о переговорахъ въ Гадячѣ, то царскою грамотою объявили Выговскаго измѣнникомъ, и приказали казакамъ избрать себѣ новаго гетмана. Множество казаковъ, недовольныхъ своимъ гетманомъ, собрались къ Ромодановскому, русскому воеводѣ, присланному царемъ въ Украйну. Выговскій хотѣлъ было собрать новую раду, но его уже болѣе никто не слушалъ. Казаки упрекали гетмана въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ призвалъ въ Украйну Татаръ, и предалъ свою землю Полякамъ. Видя всеобщее озлобленіе, Выговскій спѣшилъ спастись бѣгствомъ. Казаки преслѣдовали своего гетмана, и чтобъ избавиться отъ неминуемой смерти, Выговскій принужденъ былъ отдать преслѣдовавшимъ его казакамъ, знаки своего достоинства: булаву и войсковую печать.

Новымъ гетманомъ избранъ былъ Юрій Хмельницкій, сынъ освободителя Украйны, Богдана Хмельницкаго. Но многіе города не признали его гетманомъ. Начались смуты и неурядицы; казацкіе полки собирались отдѣльно, въ разныхъ городахъ, и каждый выбиралъ себѣ гетмана. Эти

гетманы называли одинъ другаго измѣнникомъ, вели свои полки друга противъ друга, такъ что даже трудно было разобрать, кто стоитъ за Россію, а кто за Польшу.

Къ довершенію всѣхъ бѣдствій Малой Руси, въ Украйну вступило трехсотъ-тысячное турецкое войско, призванное на защиту гетманомъ Дорошенкомъ. Но Турки явились въ Украйну не защитниками, а лютыми врагами. Вездѣ, гдѣ они проходили, горѣли села и деревни, церкви обращались въ мечети. Всѣхъ плѣнныхъ Турки уводили въ неволю. Народъ проклиналъ Дорошенко, который передалъ Туркамъ свою родину. Наконецъ-то поняли казаки, что имъ слѣдуетъ соединиться подъ властію однаго законнаго гетмана, и общими силами отразить враговъ: Турокъ, Татаръ и Поляковъ, безпощадно опустошавшихъ обезсиленную Украйну. Собралась казацкая рада, и гетманомъ Малороссіи избранъ былъ Самойловичъ.

Междоусобія въ Украйнѣ прекратились; отдохнулъ народъ отъ кровавыхъ неурядицъ, пересталъ ежеминутно бояться грозы нежданной, вражескаго нашествія. Турки удалились изъ Украйны. Гетманъ Самойловичъ старался какъ можно болѣе сблизить казаковъ съ Русскими, помогалъ вводить въ Украйнѣ новые, «московскіе порядки.» Онъ понималъ, что только Русскіе могутъ братски помочь своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ,—украинскимъ казакамъ.

Въ это время въ Россіи царствовали братья умершаго царя Θеодора Алексѣевича, царевичи Іоаннъ и Петръ. Такъ какъ царевичъ Іоаннъ былъ слабъ здоровьемъ, а царевичъ Петръ былъ еще малолѣтенъ, то Русскимъ царствомъ правила сестра ихъ, царевна Софія Алексѣевна. По договору, заключенному между Россіей, Польшею и

Австріей, рѣшено было предпринять общій походъ противъ Турціи, чтобы прекратить набѣги Турокъ на сосѣднія христіанскія земли. Польскія и австрійскія войска вступили въ Турцію, а русское войско, подъ начальствомъ князя Голицына, и казаки съ гетманомъ Самойловичемъ, выступили въ походъ противъ Крыма, подвластнаго Турціи.

Самойловичъ неохотно выступалъ въ этотъ походъ; онъ предвидѣлъ, что войскамъ придется преодолѣть много трудностей, и не надѣялся на успѣхъ. «Купила Москва лихо за свои гроши,» говаривалъ онъ. Дѣйствительно, его слова вскорѣ сбылись. Когда русскіе и казацкіе полки переправились черезъ рѣку Самару, и вступили въ необозримыя южно-русскія степи, то Татары начали отступать, и постепенно завлекали русское войско въ глубь степей. Вскорѣ по сторонамъ русской арміи и въ тылу поднялись густые, черные клубы дыма: Татары подожгли траву въ степи. Казалось, что русское войско окружено огромною огненною стѣною; искры сыпались на Русскихъ, раскаленная земля жгла ноги; ежеминутно грозила опасность, что пороховыя бочки будутъ взорваны на воздухъ отъ нестерпимаго жара. Къ довершенію бѣдствія, ни откуда невозможно было достать воды для питья и корма для лошадей. Русское войско принуждено было отступить изъ степей. Въ это время въ русской арміи разнесся слухъ, что степь подожжена по приказанію казацкаго гетмана Самойловича. Казаки, недовольные гетманомъ, также подали главному воеводѣ, князю Голицыну доносъ, по которому гетманъ Самойловичъ обвинялся въ измѣнѣ царю, въ притѣсненіяхъ, лихоимствѣ и самоуправствѣ. Однимъ изъ главныхъ враговъ гетмана, распу-

сказавшихъ про него недобрые слухи, былъ войсковой писарь, Иванъ Мазепа.

Скоро послѣдовало рѣшеніе на доносъ казаковъ. Голицыну предписывалось: «смѣнить Самойловича, если онъ казакамъ не годенъ, и отправить его въ ссылку, а вмѣсто его избрать вольными голосами другаго гетмана.» Между тѣмъ Самойловичъ все время находился въ обозѣ русской арміи, подъ строгимъ присмотромъ. Скорбѣла душа его отъ незаслуженной клеветы. Когда Самойловича потребовали рано утромъ къ допросу, то нашли его въ походной церкви, молящимся со слезами. Онъ отправился на раду, какъ былъ, въ утреннемъ кафтанѣ, опираясь на свою гетманскую булаву.

Въ большомъ шатрѣ уже ожидали гетмана казацкіе старшины, его враги и доносчики; тутъ же былъ и русскій воевода, князь Голицынъ. Когда прочли доносъ, то Самойловичъ хотѣлъ оправдываться, но казаки выхватили свои сабли, и съ яростью требовали его казни. Князь Голицынъ съ трудомъ успокоилъ раздраженныхъ старшинъ, отобралъ у Самойловича булаву, и приговорилъ его къ ссылкѣ. Затѣмъ казакамъ объявили о соизволеніи царскомъ избрать новаго гетмана, и черезъ два дня назначена была для того общая казацкая рада (сходка).

Все это происходило 25 іюля 1687 года, неподалеку отъ Полтавы, на берегу рѣки Коломаки. На широкой равнинѣ, между обозами: русскимъ и казачьимъ, раскинутъ былъ большой церковный шатеръ. Къ нему рано по утру начали собираться казаки для избранія новаго гетмана. Прибыли казачьи старшины и полковники, посѣдѣлые въ битвахъ, съ рубцами отъ вражескихъ сабель на своихъ загорѣлыхъ, морщинистыхъ лицахъ; прибыли во-

еводы московскіе въ высокихъ, собольихъ шапкахъ, широкихъ охабняхъ, на статныхъ коняхъ. Уздечки ихъ коней были украшены серебряными монетами и бубенчиками. Отслужена была походная обѣдня, и казаки приступили къ избранію гетмана. Много было спора и криковъ, но наконецъ оказалось, что наиболѣе приверженцевъ имѣетъ войсковой писарь Иванъ Мазепа.

IV.

Избраніе гетманомъ Ивана Мазепы.—Милости царя Петра.—Происки Мазепы.—Доносъ Кочубея на Мазепу.—Казнь Кочубея и Искры.—Война Петра Великаго со Шведами.—Измѣна Мазепы.—Вступленіе Шведовъ въ Малороссію.—Преданіе Мазепы церковному проклятію.—Битва подъ Полтавою.—Бѣгство Шведскаго короля и Мазепы въ Турцію.

Новый гетманъ Мазепа былъ опытный бывалый казакъ, лѣтъ 45, высокаго роста, статный и сухощавый. Лице его было почти всегда угрюмо, въ веселый же часъ онъ любилъ попировать съ друзьями. Гетманъ Мазепа былъ, хотя и умный, но коварный человѣкъ. Говорилъ онъ повидимому откровенно, но почти всегда—сегодня утверждалъ одно, а завтра другое; почти всегда лгалъ и обманывалъ.

Мазепа родился въ Польшѣ, и служилъ съ молоду у одного богатаго польскаго вельможи Браницкаго, въ Бѣлостокѣ, но вскорѣ Мазепа передъ нимъ крѣпко провинился. Разсерженный панъ приказалъ привязать его къ спинѣ дикаго коня, и пустить въ степь. Конь умчался съ Мазепой въ степи, и выбившись изъ силъ, палъ мертвый. Мазепа былъ полумертвъ. Но по близости того мѣста, гдѣ палъ конь тоже Мазепы, находилось село; какая-то казачка, проходя ми-

мо увидѣла израненнаго Мазепу, перенесла его въ свою хату, и начала лечить и ухаживать за нимъ, какъ за своимъ роднымъ. Черезъ нѣсколько времени Мазепа оправился, и не желая возвращаться въ Польшу, записался въ казаки. Мазепа былъ человѣкъ весьма ученый, и потому вскорѣ дослужился до чина войсковаго писаря. Происками и клеветою достигъ онъ даже и до гетманскаго сана.

Въ это время въ Россіи вступилъ на престолъ молодой шестнадцатилѣтній царь Петръ Алексѣевичъ. Мазепа отправился въ Москву, гдѣ въ то время находился царь Петръ, увѣрилъ его въ своей преданности, и сблизился со всѣми знатнѣйшими русскими сановниками. Молодой царь полюбилъ хитраго Мазепу, и во всемъ довѣрялъ ему. Онъ пожаловалъ Мазепу кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго, подарилъ ему дорогой бархатный кафтанъ съ алмазными пуговицами. И не удивительно, что молодой царь Петръ такъ полюбилъ хитраго гетмана; Мазепа умѣлъ угождать царю. Такъ напримѣръ, когда онъ узналъ что царю нужна селитра для выдѣлки пороха, а въ Москвѣ нѣтъ искусныхъ селитроваровъ, то тотчасъ же послалъ изъ Украйны въ Москву самыхъ лучшихъ мастеровъ.

Между тѣмъ Мазепа, увѣряя царя Петра въ своей преданности, тайно замышлялъ измѣну, и договаривался съ Поляками объ отдѣленіи Малой Россіи отъ Великой. Объ этихъ происках Мазепы знали только весьма немногіе изъ его приближенныхъ. Мазепа боялся, что царь Петръ узнаетъ про его измѣну. «Страшное дѣло мы задумали,» говаривалъ онъ иногда; «не хотѣлъ бы я, чтобы даже и рубашка моя о томъ знала.»

Замыслы Мазепа едва было не открылись, вслѣдствіе

вражды гетмана съ однимъ богатымъ казацкимъ полковникомъ Кочубеемъ. Прежде Мазепа былъ очень друженъ съ Кочубеемъ и даже крестилъ у него дочь Матрену. Когда Матрена выросла, и сдѣлалась невѣстой-красавицей, то старикъ гетманъ задумалъ жениться на своей крестницѣ. Но Кочубей былъ человѣкъ благочестивый, и не соглашался на этотъ бракъ. Тогда Мазепа лестью и хитростью привлекъ къ себѣ Матрену, и тайно женился на ней.

Съ тѣхъ поръ началась непримиримая вражда Кочубея къ гетману Мазепѣ. Раздраженный Кочубей, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Искрою, рѣшился донести царю Петру о злыхъ умыслахъ Мазепы. Но Петръ, во всемъ довѣряя Мазепѣ, и считая этотъ доносъ клеветою, увѣдомилъ о томъ гетмана, и приказалъ ему разслѣдовать дѣло. Кочубей и Искра были тотчасъ же схвачены Мазепою, и осуждены на смертную казнь.

Этотъ доносъ только еще болѣе укрѣпилъ власть Мазепы въ Малороссіи. Мазепа съ разрѣшенія царя устроилъ для себя гвардію изъ нѣсколькихъ полковъ подъ предлогомъ охраненія себя отъ злоумышленниковъ; этотъ отрядъ безотлучно находился при немъ. Все дѣлалось по волѣ Мазепы; все трепетало предъ грознымъ гетманомъ.

А между тѣмъ приходилъ уже конецъ самовластію Мазепы; уже былъ близокъ часъ гибели измѣнника!

Въ это время началась упорная война Россіи съ Швеціею. Войско шведское было многочисленно и славилось своею храбростью, а молодой шведскій король Карлъ XII былъ самый искусный военачальникъ того времени. Мазепа поспѣшилъ войти въ сношенія со Шведами, обѣщалъ доставить имъ помощь войскомъ и запасами продовольствія, и

въ замѣнъ того требовалъ, чтобы шведскій король утвердилъ его владѣтельнымъ княземъ Сѣверскимъ и гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Карлъ XII принялъ предложеніе Мазепы, и чтобъ соединиться съ казацкими полками, вступилъ съ своимъ войскомъ въ Малороссію.

За два года до явной измѣны, Мазепа сталъ готовить около Кіева запасы продовольствія для шведской арміи; государю писалъ онъ, что Поляки и Шведы смущаютъ народъ, и что казаки не хотятъ слушать царскихъ указовъ, а самъ между тѣмъ, всячески дѣйствовалъ для возмущенія народа.

Не подозрѣвая измѣны, Государь велѣлъ Мазепѣ выступить противъ Шведовъ; но Мазепа долго отговаривался болѣзнію, утверждалъ, что у него мало войска, и что казаки бунтуютъ. Наконецъ Петръ Великій приказалъ Мазепѣ сдать казацкіе полки подъ команду князя Голицына, а самому прибыть къ русскому войску. Тогда, чтобы избавиться отъ бѣды, Мазепа притворился до того больнымъ, что слуги переворачивали его въ постели съ боку на бокъ. Онъ просилъ даже, чтобы митрополитъ кіевскій Іоасафъ соборовалъ его масломъ.

Между тѣмъ Мазепа совсѣмъ изготовился принять Шведовъ; онъ сталъ лагеремъ между Новгородомъ-Сѣверскимъ и Стародубомъ, но когда Шведы подошли къ казакамъ, то Мазепа обратясь къ нимъ, сказалъ, что привелъ ихъ не для войны, а для службы Шведамъ.

Въ тотъ-же день Меньшиковъ увѣдомилъ государя объ измѣнѣ гетмана. Государь немедленно издалъ манифестъ, въ которомъ писалъ всей Малороссіи, что предатель Мазепа, бывъ долгое время вѣрнымъ царю, вдругъ сдѣлался измѣнникомъ. «Однако, (писалъ государь) Богъ правосуд-

«ный такимъ злодѣямъ никогда не допуститъ исполнить «свои злодѣйскіе умыслы. И такъ надѣюсь на Бога, что «зло «падетъ на него, а не на того, кому онъ его готовилъ.»

По повелѣнію царя и по старинному обычаю, казаки тотчасъ избрали себѣ новаго гетмана, а 12-го ноября, въ городѣ Глуховѣ, въ присутствіи государя, митрополитъ кіевскій и соборъ духовенства предали проклятію Мазепу и его приверженцевъ.

Это церковное проклятіе было страшное дѣло, къ которому прибѣгали весьма рѣдко; послѣдній, преданный анаѳемѣ, былъ извѣстный разбойникъ и бунтовщикъ Стенька Разинъ.

Въ Глуховъ собрались казацкіе старшины, и въ назначенный день, было торжественно внесено въ церковь изображеніе Мазепы. Все духовенство одѣто было въ черныхъ ризахъ, и священнодѣйствовало, держа въ рукахъ черныя свѣчи. Пѣвчіе пѣли похороннымъ напѣвомъ. Старшій изъ священнодѣйствовавшихъ, приблизясь къ изображенію Мазепы, коснулся его своимъ жезломъ, и три раза изрекъ ему проклятіе (анаѳема). Пѣвчіе трижды повторили это страшное слово: анаѳема. Послѣ того палачь накинулъ веревку на изображеніе Мазепы, и потащилъ его по улицѣ. (*)

Тогда же казнены были Чечель, и другіе сообщники Мазепы. И не въ одномъ Глуховѣ проклинали Мазепу; во всѣхъ церквахъ русскаго царства предали анаѳемѣ измѣнника. Городъ Батуринъ, гдѣ прежде жилъ Мазепа, и гдѣ былъ дворецъ его, былъ взятъ приступомъ. Мазепинъ дворецъ, хлѣбные магазины, приготовленные для непріятеля, были сожжены до тла. Всѣ сокровища и артиллерію Меньшиковъ

(*) Дѣян. Петра Вел.

взялъ съ собой. Въ тоже время Голицынъ взялъ городъ Бѣлую-Церковь. Мазепино добро, которое было въ Бѣлой-Церкви и въ Кіевѣ, было взято въ казну. Отъ всего несмѣтнаго гетманскаго богатства осталось только у Мазепы два небольшіе боченка съ червонцами. А прежде у Мазепы, кромѣ дворцовъ и волостей, въ одной Бѣлой-Церкви было до двухъ милліоновъ рублей наличными деньгами, а въ Кіевѣ, говорятъ, было и того болѣе

Наказывая преступниковъ, царь не забылъ наградить всѣхъ, вѣрно исполнившихъ свою присягу. Сотника Жоравку царь пожаловалъ полковникомъ Стародубовскимъ, а протопопа Лисовскаго—сотникомъ Новогородскимъ; новый сотникъ по воскресеньямъ служилъ въ церкви, въ епитрахилѣ, а въ будни засѣдалъ въ сотенномъ правленіи, (почти тоже что нынѣ губернское правленіе), при саблѣ, съ бородой, судя и благословляя тяжущихся. Народъ, видя протоіерея сотникомъ, говорилъ: «то за вѣрность царю!»

Въ Малороссіи Карлъ XII провелъ цѣлую зиму, безпрестанно сражаясь съ Русскими, и доходилъ до Краснаго Кута въ Харьковской губерніи. Морозы и сраженія сильно разстроили шведскія войска, а подкрѣпить ихъ было нечѣмъ—до Швеціи было далеко.

Наконецъ, въ битвѣ подъ Полтавою шведское войско было окончательно разбито; весь обозъ и вся артиллерія досталась Русскимъ; Карлъ XII только съ небольшимъ отрядомъ успѣлъ доскакать до турецкой крѣпости Бендеры. Мазепа послѣдовалъ въ Турцію за шведскимъ королемъ; тамъ, на чужой землѣ, онъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ, всѣми ненавидимый и презираемый. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того турецкіе разбойники, вырыли тѣло его изъ могилы, полагая найти въ ней сокровища, которыхъ однако же не оказалось.

V.

Избраніе гетманомъ полковника Скоропадскаго.—Новые порядки въ Украйнѣ.—Учрежденіе Малороссійской коллегіи.—Введеніе въ Украйну крѣпостнаго права.—Крестьяне въ Украйнѣ.—Уничтоженіе Запорожской Сѣчи.—Переселеніе Запорожцевъ въ Турцію.

Какъ только обнаружилась измѣна Мазепы, тотчасъ же былъ избранъ на казацкой радѣ, въ городѣ Глуховѣ новый гетманъ, полковникъ Иванъ Скоропадскій. Государь самъ присутствовалъ на радѣ. Когда окончилась божественная служба въ Троицкомъ соборѣ, и пропѣтъ былъ молебенъ, то дьякъ посольскаго приказа прочиталъ грамоту, подтверждающую народныя права: «А мы Великій Государь,» такъ было сказано въ прочитанномъ манифестѣ, «обѣщаемъ вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ: гетману, полковникамъ, есауламъ, сотникамъ, генеральной и полковой старшинѣ и всему войску—всѣ вольности, права и привиллегіи, которыя вы имѣли за отца нашего, свято ненарушимо и цѣло содержать.»

Тогда, по древнимъ обычаямъ, приступили къ избранію. Чины и народъ выбрали гетманомъ полковника Ивана Скоропадскаго. Скоропадскій отказывался и совѣтывалъ выбрать Полуботка; нѣсколько голосовъ назвали послѣдняго, но принуждены были уступить большинству голосовъ, бывшихъ на сторонѣ Скоропадскаго. По обычаю, Скоропадскій назвалъ себя недостойнымъ уряда, и по тому же обычаю избиратели трижды провозгласили его достойнымъ. Тогда князь Долгоруковъ подалъ ему булаву и войсковую печать. Потомъ новый гетманъ представлялся царю. Пальба изъ орудій весь день не умолкала. Для лучшаго и болѣе правосуднаго управленія Малороссіею учреждена была Мало-

россійская коллегія; сердюцкіе полки, угнетавшіе народъ своимъ буйствомъ и своеволіемъ, были уничтожены. Съ теченіемъ времени многіе обычаи, выгодные для сильныхъ и отяготительные для простаго народа, были замѣнены законами, болѣе соотвѣтственными съ правдою.

Такъ Украйна все болѣе и болѣе соединялась съ Россіею, и постепенно укоренялись въ ней новые, «московскіе порядки.» Наконецъ, при Екатеринѣ Великой послѣдовало совершенное уравненіе Малороссіи съ другими областями и губерніями Россіи. Около этого времени Малороссія была раздѣлена на губерніи; наконецъ уничтожена была и Запорожская Сѣчь, послѣднее прибѣжище бездомной вольницы, не привыкшей къ труду и къ подчиненію себя законамъ.

Владѣнія Запорожцевъ были очень обширны; они простирались отъ Днѣпра до Буга, и до устьевъ рѣки Дона. Это были мѣста степныя, но весьма плодородныя. Запорожская Сѣчь находилась на днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ, а въ окрестностяхъ, по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ, разсѣяны были хутора, гдѣ проживали семейства женатыхъ казаковъ, паслись ихъ табуны, стояли мельницы, и проч.

Неподалеку отъ владѣній Запорожцевъ, за рѣкою Бугомъ, находились богатыя помѣстья польскихъ вельможъ. Туда-то нерѣдко пробирались небольшіе отряды Запорожцевъ, чтобы жечь и грабить владѣнія своихъ исконныхъ враговъ—Поляковъ. Эти набѣги Запорожцевъ могли наконецъ вовлечь Россію въ войну съ Польшею, и потому Екатерина рѣшилась уничтожить Сѣчь, а Запорожцевъ разселить по украинскимъ хуторамъ. Для выполненія этаго приказанія посланъ былъ съ войскомъ генералъ Текели.

Онъ захватилъ кошеваго атамана и войсковаго писаря, отослалъ ихъ въ С.-Петербургъ, и окружилъ Сѣчь со всѣхъ сторонъ. Текели хотѣлъ не допускать Запорожцевъ нападать на сосѣднія польскія земли.

Но Запорожцамъ не любо было это распоряженіе; часть ихъ задумала оставить русскую землю, и переселиться въ Турцію, подъ власть турецкаго султана. Но должно было хитростью исполнить этотъ умыселъ, иначе Текели съ своимъ войскомъ не допустилъ бы Запорожцевъ до переселенія.

Пришли старшины Запорожцевъ къ Текели, и стали просить у него дозволенія отправиться небольшими *громадами* на рыбную ловлю. Текели, ничего не подозрѣвая, согласился на это. Темною ночью, осторожно выѣхали Запорожцы на своихъ чайкахъ, миновали русскихъ часовыхъ, и поплыли по Днѣпру въ Черное море, къ турецкимъ берегамъ. Чрезъ нѣсколько дней отправились еще нѣсколько тысячь Запорожцевъ, увѣряя Текели, что они также ѣдутъ запастись рыбою на зиму. Прошло много времени, а Запорожцы, отправившіеся на рыбную ловлю, все еще не возвращались! Наконецъ Текели съ своимъ войскомъ вступилъ въ Сѣчь, и нашелъ въ ней не болѣе 200 казаковъ, тогда какъ прежде Запорожцевъ въ Сѣчи было нѣсколько десятковъ тысячъ.

Такъ уничтожилась Запорожская Сѣчь, такъ долго считавшаяся независимымъ поселеніемъ казаковъ. Нѣсколько чаекъ (лодокъ) съ запорожскимъ войскомъ удалились также въ Крымъ, къ Татарамъ, и поселились близь Перекопа, гдѣ еще при Петрѣ Великомъ основано было казаками нѣсколько поселеній и хуторовъ.

Запорожцы, переселившіеся въ Турцію, находились въ подданствѣ турецкаго султана до 1828 года. Въ этомъ

году, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, началась война съ Турціею. При видѣ русскихъ, единовѣрныхъ имъ воиновъ, въ сердцахъ Запорожцевъ пробудилась любовь къ родинѣ. Увидѣвъ знамена, подъ сѣнію которыхъ ихъ дѣды пріобрѣли столько славы, сражаясь съ невѣрными, внуки пожелали вернуться въ прежнее отечество. По приказанію императора, Запорожцамъ, снова вступившимъ въ подданство Россіи, отведены были новыя мѣста для поселенія въ Екатеринославской губерніи. Казаки эти извѣстны теперь подъ именемъ Азовскихъ казаковъ.

VI.

Неустройства въ Польшѣ.—Польскіе сеймы.—Преслѣдованія православныхъ.—Заговоръ казаковъ.—Максимъ Желѣзнякъ.—Возстаніе польскихъ крестьянъ и казаковъ.—Взятіе Умани.—Казнь Желѣзняка и Гонты.—Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Бѣлоруссіи.—Второй раздѣлъ Польши и присоединеніе къ Россіи остальной части Украйны.—Убійства въ Варшавѣ.—Третій и послѣдній раздѣлъ Польши.

Подъ державною властью императоровъ, преемниковъ Петра Великаго, Россія постепенно укрѣплялась въ своемъ могуществѣ; въ это же время Польша слабѣла отъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ. Польскіе вельможи не слушались своего короля, не хотѣли исполнять его приказаній. Всѣ дѣла въ государствѣ рѣшались не волею короля, а по постановленію *сейма,* т. е. собранія многочисленной и своевольной шляхты, которая рѣшала все по внушенію и проискамъ латинскаго духовенства, заботившагося только о собственныхъ выгодахъ и никогда не думавшаго о государствѣ. Ни одинъ изъ сеймовъ не обходился безъ шумныхъ споровъ и неурядицъ. Каждый

изъ участвовавшихъ на сеймѣ, думалъ только о своей собственной выгодѣ, и нисколько не заботился о благѣ отечества. Вся власть и сила принадлежала дворянамъ и шляхтѣ, а крестьяне лишены были всѣхъ правъ.

Особенно тяжело было народонаселенію въ русскихъ областяхъ, подъ управленіемъ польскаго правительства, безсильнаго и надменнаго, угнетавшаго слабыхъ и беззащитныхъ, потворствовавшаго латинскому духовенству и панамъ, владѣвшимъ почти всею землею въ государствѣ. Кромѣ безчеловѣчной шляхты, народъ терпѣлъ еще отъ польскихъ жолнеровъ (воиновъ), которымъ по неимѣнію денегъ, польское правительство весьма рѣдко платило жалованье.

Противъ буйства жолнеровъ уже не было никакой управы, потому что и само польское начальство предавалось грабежу не только по дорогамъ, но и въ селеніяхъ, и даже въ городахъ. Богатые паны, для охраненія своей собственности, строили дома свои на подобіе крѣпостей, окружали ихъ высокими валами и башнями, имѣли пушки, большіе запасы пороху, снарядовъ и оружія и содержали каждый значительную стражу. Впрочемъ и между собою паны не всегда жили въ дружбѣ; очень часто дѣло у нихъ доходило до настоящей войны. Воюющія стороны набирали по нѣскольку тысячь войска и нерѣдко въ кровавыхъ битвахъ погибали тысячи народу. Такъ князь Радзивиллъ, желая освободить свои помѣстья отъ постоя, воевалъ съ Огинскимъ лѣтъ восемь. Другой Радзивиллъ, съ 6000 человѣкъ осадилъ пана Хоткевича въ самой Вильнѣ изъ за невѣсты. Хоткевичъ, имѣя 4000 войска и 24 пушки, отбивался отъ него нѣсколько недѣль. Паны потомъ помирились за бутылкой вина. У крестьянъ, вспоминающихъ эти войны и побоища, и по–нынѣ еще сохранилась пословица:

«когда паны дерутся, у хлоповъ чубы трясутся.»

Но едва ли еще не хуже пановъ и жолнеровъ, были для несчастныхъ земледѣльцевъ іезуиты и базильяне, (папскіе монахи). По ихъ проискамъ, не дозволялось православнымъ не только строить новыя церкви, но и починивать старыя; каменныя же церкви обращаемы были въ католическіе или уніатскіе костелы. Почти всѣ православные храмы были на откупу у жидовъ, у которыхъ хранились обыкновенно и церковные ключи. Крестные ходы и колокольный звонъ были строго запрещены. Погребальныя шествія могли слѣдовать только по малолюднымъ улицамъ, и то не иначе, какъ ночью. Священники и даже православные архіереи, во избѣжаніе оскорбленій, увѣчья, а часто и смерти, должны были скрываться и исполнять требы втайнѣ Въ глазахъ іезуитовъ и базильяновъ, привязанность къ православію равносильна была преступленію, за которое нерѣдко подвергали тяжкимъ наказаніямъ, напримѣръ раздирали рты и топили въ прорубяхъ. Множество жалобъ и прошеній, присылавшихся въ то время къ нашимъ государямъ, съ мольбами о защитѣ, наполнены были описаніями разнородныхъ мучительствъ, которымъ въ тѣ времена подвергали православныхъ.

Удивительно ли послѣ того, что народъ не имѣлъ расположенія къ польскимъ панамъ, въ рукахъ которыхъ находилось все управленіе Польши. Можно ли было ожидать отъ православныхъ равнодушія къ отнятію у нихъ собственности, къ позору ихъ пастырей, женъ и дочерей, и къ поруганію ихъ вѣры. По этому весьма естественно, что народное негодованіе нерѣдко обнаруживалось смятеніями, ибо православные видѣли, что на заступничество русскихъ государей, ежегодно требовавшихъ отъ польскихъ коро-

лей удовлетворенія обидъ и прекращенія насилій, Поляки отвѣчали уклончиво, и оставляли все по прежнему. Такъ, когда въ 1703 году на Волыни, въ Подольской и Кіевской губерніяхъ вспыхнулъ повсемѣстный народный мятежъ, то казаки перебили множество жидовъ, ксендзовъ и шляхты; всѣ Поляки должны были бѣжать изъ южной Руси въ Польшу. Король польскій велъ тогда войну со Шведами, и потому не могъ успокоить волненій, обурѣвавшихъ югозападную Россію: по этому онъ обратился съ просьбою о помощи къ царю Петру I, своему союзнику. Государь нашъ тотчасъ послалъ войско, разогналъ мятежниковъ и спаеъ тѣмъ и короля и Польшу отъ конечной гибели. Спокойствіе было возстановлено въ странѣ, но Поляки, по минованіи бѣды, снова стали притѣснять народъ по прежнему, и даже еще болѣе увеличили свои угнетенія. Снова начались жалобы и просьбы къ русскимъ государямъ о защитѣ отъ насилій іезуитовъ, базиліановъ и пановъ. Какъ и прежде, Поляки прикрывали свои неправды благовидными предлогами. Казалось —не было предѣловъ народнымъ бѣдствіямъ Наконецъ Малороссіяне въ 1765 году, не выдержавъ дальнѣйшаго притѣсненія, возстали подъ предводительствомъ сотника Харька, и перебили множество іезуитовъ, жидовъ и шляхты; но потомъ Поляки захватили Харька, и въ конюшнѣ отрубили ему голову. Начались повсемѣстныя казни, но казнили не виновныхъ, а упорно сохранявшихъ православіе.

Чтобы прекратить всѣ эти злодѣянія, императрица Екатерина, чрезъ посланника своего въ Польшѣ, князя Репнина потребовала немедленнаго прекращенія кровопролитій. Король объявилъ православнымъ свободу вѣроисповѣданія, но польская шляхта за это распоряженіе возстала противъ

короля. Мятежники, подстрекаемые латинскими епископами Солтыкомъ и Красинскимъ, собрались въ городѣ Барѣ, и составили многочисленныя вооруженныя шайки. Въ тоже время усилились и гоненія на православныхъ. Въ вотчинахъ князя Любомирскаго, въ мѣстечкѣ Смѣломъ, священники были измучены, а иные умерщвлены. Подъ Ольшаною Данило Кожевской былъ обвернутъ пенькою, облитъ смолою и зажженъ. Въ Мошнахъ и Корсунѣ духовенство было замучено; въ Таганчѣ православныхъ били нещадно, давая розгами по шести сотъ и по восьми сотъ ударовъ. Женщины, дѣвицы были истерзаны. Польки мучили православныхъ не менѣе своихъ мужей.... Мѣра народнаго терпѣнія преисполнилась.

Не видя не откуда помощи, народъ, доведенный до отчаянія, взялся за оружіе. Во главѣ возстанія былъ послушникъ Мотренинскаго монастыря, Максимъ Желѣзнякъ. На его кличъ народъ собрался со всѣхъ сторонъ. Для большаго убѣжденія и поощренія къ мести, Желѣзнякъ показалъ казакамъ подложную золотую грамоту, будто бы присланную изъ С. Петербурга, отъ императрицы къ запорожскому полковнику Кальнишевскому. Простодушный народъ повѣрилъ золотой грамотѣ, не сообразивъ, что могущественнымъ русскимъ государямъ нѣтъ никакой надобности дѣйствовать скрытно или изъ подтишка, въ особенности противъ шляхетской сволочи. Несбыточное дѣло, чтобъ Государыня прибѣгнула къ незаконному мятежу, въ то время, когда всѣ главнѣйшіе польскіе вельможи и даже самъ король, старались только о томъ, чтобъ попасть въ милость къ жившему въ Варшавѣ, русскому посланнику генералъ-маіору князю Репнину. Но какъ бы то ни было, а казаки повѣрили золотой грамотѣ. Между тѣмъ

шляхетскія шайки были уже почти усмирены, и страна начинала уже успокоиваться, когда вдругъ во многихъ мѣстахъ между Чигириномъ и Бѣлой Церковью началось истребленіе ксендзовъ, жидовъ и шляхты. Событіе это, сохранившееся въ народныхъ преданіяхъ подъ названіемъ Коліивщины, происходило слѣдующимъ образомъ.

Въ Чигиринскомъ повѣтѣ, близь села Медвѣдовки, посреди дремучихъ лѣсовъ и крутыхъ горъ, находилась древняя обитель Мотренинская. Игуменъ ея, Мельхиседѣкъ Значко-Яворскій управлялъ всѣми православными монастырями и церквами въ польской Украйнѣ. Уважаемый всѣми за свои душевныя качества и ревность къ православію, онъ, незадолго до возстанія, ѣздилъ въ С. Петербургъ какъ депутатъ отъ духовенства для представленія императрицѣ жалобъ на угнетенія отъ Поляковъ, а потомъ, вмѣстѣ съ высокопреосвященнымъ Георгіемъ Конисскимъ, для той же цѣли былъ въ Варшавѣ. Набожные Запорожцы и народъ постоянно стекались на богомолье въ Мотренинской монастырь; здѣсь, какъ въ средоточіи церковнаго управленія, они узнавали о всѣхъ преслѣдованіяхъ Поляковъ и вмѣстѣ съ монахами скорбѣли о бѣдствіяхъ, испытываемыхъ православными. Окрестные жители, избѣгая мести Поляковъ, заходили сюда для отслуженія молебновъ предъ отправленіемъ въ Сѣчь. Поляки сильно злобились на Мельхиседека, считали его возмутителемъ, и однажды, захвативъ его, подвергли страшнымъ истязаніямъ (замуровали въ стѣну на голодную смерть.) Къ счастію Мельхиседекъ спасся бѣгствомъ на лѣвый берегъ Днѣпра.

Вѣсть объ оскорбленіи уважаемаго игумена, была одной изъ главныхъ причинъ, усилившихъ народное возстаніе. Православные жители польской Украйны, скитавшіеся по лѣ-

самъ, и Запорожцы стали стекаться къ Мотренинскому монастырю. Питомецъ Запорожской Сѣчи, Максимъ Желѣзнякъ предложилъ имъ вооружиться и изгнать изъ страны виновниковъ всѣхъ бѣдствій, полагая, что съ изгнаніемъ незванныхъ пришельцевъ, прекратятся всѣ народныя страданія и смуты.

Еще въ началѣ 1768 года стали замѣчать, что много казаковъ изъ русскихъ украинскихъ владѣній переходятъ за польскую границу. Вскорѣ въ помѣстьяхъ польскаго вельможи, князя Любомирскаго возстали православные крестьяне, и не прошло трехъ дней, какъ по всей Польшѣ и Западной Руси разнеслась грозная вѣсть, что казаки снова поднялись на Польшу. Вся Западная Русь, отъ Кіева до Каменца-Подольскаго поднялась на враговъ. Казаки и крестьяне принимали Желѣзняка, какъ своего освободителя, и толпами присоединялись къ его отряду. Страшно мстилъ Максимъ Желѣзнякъ. Гдѣ проходили его гайдамаки, тамъ оставался только пепелъ отъ сгорѣвшихъ зданій, да груда милежали трупы Поляковъ и жидовъ.

Наконецъ гайдамаки осадили Умань, главный городъ обширныхъ владѣній графа Потоцкаго. Умань была защищена валомъ съ 32 пушками, и находилась подъ охраною отряда польскихъ солдатъ и нѣсколькихъ тысячь казаковъ подъ начальствомъ сотника Гонты. Но эти казаки оказались ненадежной защитой; когда Желѣзнякъ приблизился къ Умани, Гонта съ своими казаками тотчасъ же перешелъ на его сторону.

Незначительный польскій отрядъ не могъ долго оборонять Умань. Главный начальникъ города и окрестные польскіе паны, собравшіеся въ Умани, вмѣстѣ съ своими пожитками достались во власть раздраженной толпы. Казаки

вступили въ Умань, и никому не дали пощады. Всѣ жители были истреблены. Всего погибло въ Умани при этомъ побоищѣ болѣе 6000 человѣкъ.

Смѣла, Жаботинъ, Лисянка Богуславъ испытали ту же участь. Казаки не давали пощады даже и королевскимъ войскамъ, высланнымъ для усмиренія шляхты. Желѣзнякъ съ подложною золотою грамотою навелъ ужасъ на Поляковъ, и король обратился къ Императрицѣ съ просьбою выручить его изъ бѣды присылкой русскаго войска. Государыня прислала полковника Кречетникова, который разсѣявъ шайки шляхты, прекратилъ и народное волненіе казаковъ. Жители лѣвой стороны Днѣпра, какъ русскіе подданные, были отправлены на мѣста жительства, а многіе и сосланы. Край былъ умиротворенъ. Еще разъ великодушіе царское спасло Польшу отъ гибели.

Но съ прекращеніемъ въ странѣ волненій, снова начались преслѣдованія русскаго народа. Военначальники польскіе подвергли неслыханнымъ мукамъ Гонту и другихъ предводителей гайдамаковъ, терзая ихъ члены въ теченіе нѣсколькихъ дней. Браницкій и Стемпковскій получили право предавать смерти безъ слѣдствія и суда, и десятками вѣшали русскихъ, безвинно, ради удовлетворенія своей мести. Въ Лисянкѣ Стемпковскій, безъ розыска повѣсилъ шесть сотъ человѣкъ. Поляки казнили несчастныхъ, выведенныхъ изъ терпѣнія польскими бунтовщиками противъ королевской власти, самые же бунтовщики были освобождены отъ всякаго суда и преслѣдованія. Хотя въ Житомирѣ и Львовѣ и были учреждены суды, но не для разбирательства, а для осужденія. Въ Житомирѣ казни продолжались болѣе году и почти каждый день человѣкъ по десяти предавались смерти по ничтожнымъ предло-

гамъ. Отрубали на-крестъ руку и ногу, залечивали и выпускали изувѣченныхъ на страхъ народу; другихъ обвертывали насмоленной соломой, зажигали и водили по улицамъ. Во Львовѣ было уже казнено около тысячи человѣкъ, когда изъ Варшавы пришло повелѣніе, превратить дальнѣйшее разбирательство и допросы, сжечь все дѣло и остальныхъ узниковъ, въ числѣ 300 человѣкъ немедлено предать смерти. Таково было правосудіе въ старинной Польшѣ, которая по сознанію самихъ Поляковъ, была земнымъ раемъ для шляхты и вѣчнымъ адомъ для остальныхъ сословій, составляющихъ огромное большинство народа. И въ настоящее время, шляхта еще вспоминаетъ о быломъ раздольѣ, и старается во что бы то ни стало вернуть счастливыя времена ея необузданнаго произвола и презрѣнія ко всѣмъ Божескимъ и человѣческимъ законамъ.

Императрица Екатерина содрогнулась при извѣстіи о безчеловѣчныхъ поступкахъ Поляковъ. Хотя вслѣдствіе настоятельнаго требованія ея, казни и были прекращены, но мы выше уже видѣли, какъ былъ закрытъ судъ во Львовѣ. Государыня, желая отвратить и на будущія времена возобновленіе подобныхъ злодѣйствъ, потребовала немедленнаго уравненія въ правахъ православнаго населенія въ Польшѣ съ природными Поляками, тѣмъ болѣе необходимаго, что число православныхъ въ предѣлахъ Польши втрое превышало число Поляковъ. Въ русскихъ же областяхъ только помѣщики и чиновники принадлежали къ польскому происхожденію, весь же народъ сплошь былъ русскій и православный. Лишенные всѣхъ правъ, угнетаемые иноземнымъ правительствомъ и развращенною шляхтой, православные давно уже молили русскихъ государей, возвратить и присоединить ихъ край къ своему отечеству, еди-

4

новѣрной Россіи. Въ просьбахъ своихъ, они изъясняли, что не хотятъ проливать свою кровь за Польшу, за такую страну, которая отнявъ отъ нихъ всѣ гражданскія права, обременила ихъ одними обязанностями и налогами, превышающими человѣческія силы. Они говорили, «что для нихъ нѣтъ никакой надежды на облегченіе горькой доли.» Опытъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, «что отъ ежедневно возрастающаго самовластія латинской шляхты напрасно было-бы ожидать не только какого либо обезпеченія личности или собственности, но даже и самой жизни, ибо небыло въ Польшѣ правосудія, небыло власти, которая бы защитила православнаго отъ похищенія шляхтой имущества, отъ оскверненія святыни и повшехнаго позора женъ и дочерей. Единое спасеніе заключается въ соединеніи ихъ съ древнимъ своимъ отечествомъ, отъ котораго они были отторгнуты оружіемъ въ то время, когда восточная Россія, изнемогая въ неравной борьбѣ съ Монголами, не имѣла силъ защитить свои западныя области. Уже около трехъ столѣтій, какъ Дмитрій Донской освободилъ восточную Россію отъ Монголовъ; настало наконецъ время освобожденія и западной половины Россіи отъ притѣснителей, еще болѣе лютыхъ, чѣмъ Монголы, которые по крайнѣй мѣрѣ уважали вѣру покоренныхъ ими народовъ.

Не взирая на очевидную необходимость мѣръ къ облегченію православныхъ въ Польшѣ, дружелюбныя предложенія Государыни, не были уважены Поляками. Не только было отказано православнымъ много разъ обѣщанное и неисполненное уравненіе въ правахъ съ Поляками, но по прежнему продолжались—и насильственное обращеніе въ унію и всевозможныя притѣсненія, особливо со стороны латинскаго духовенства, не соглашавшагося ни на какія уступ-

ки. Осталось единственное средство къ спасенію гибнущаго народа, къ вразумленію Поляковъ, не хотѣвшихъ внять голосу правды,—силою оружія освободить страну отъ польскаго угнетѣнія, возвративъ ее, какъ отторгнутое древнее русское достояніе, подъ власть прирожденныхъ государей всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи. Внявъ просьбамъ несчастныхъ жителей Бѣлоруссіи, Екатерина рѣшилась удовлетворить давнишнему ихъ желанію, и земли, составляющія нынѣ Витебскую и Могилевскую губерніи, были присоединены въ 1772 году къ Россійской имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Австрія и Пруссія, также не получивъ удовлетворенія по поводу притѣсненій протестантовъ, равномѣрно отдѣлили къ своимъ владѣніямъ прилегавшія польскія области.

Такъ совершился первый раздѣлъ Польши—одно изъ счастливѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ для Россіи и для всего человѣчества событій! Имя Екатерины Великой, совершившей великій подвигъ освобожденія западной Россіи, на-равнѣ съ именемъ Дмитрія Донскаго, сдѣлалось священнымъ для каждаго истиннаго сына отечества. Былъ сдѣланъ первый шагъ къ освобожденію русскаго народа отъ ига пришельцевъ, безжалостно истреблявшихъ народные обычаи, вѣру, языкъ и драгоцѣнные памятники просвѣщенія. Подъ владычествомъ Польши, русскій народъ былъ доведенъ до послѣдней степени нищеты и невѣжества, ниже которой созданіе Божіе уже не можетъ опуститься. Съ возвращеніемъ западныхъ областей подъ власть русскихъ государей, начался длинный рядъ постоянныхъ улучшеній народнаго быта, завершенный нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Крестьянинъ теперь не только освобожденъ отъ польскаго произвола, но

каждому земледѣльцу дарованъ участокъ земли, на которомъ онъ можетъ безбѣдно жить и спокойно умереть. Съ укрощеніемъ Польши, этого вѣчнаго средоточія хитрыхъ происковъ, представилась возможность для Европы хотя и не скоро пріобрѣсти прочный миръ. Можно ли послѣ этого удивляться, что пороки и всеобщее развращеніе шляхетскихъ нравовъ должны были имѣть горькія послѣдствія для Польши, и что за два столѣтія о распаденіи ея уже предсказывали сами Поляки, болѣе дальновидные. Такъ, іезуитъ Скарга, бывшій въ Россіи при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, неоднократно говорилъ съ церковнаго амвона, что если Поляки будутъ пренебрегать Божественнымъ ученіемъ Спасителя и не исправятся, то Польшу раздѣлятъ между собою сосѣднія государства. Спустя послѣ того около ста лѣтъ, король Янъ-Казиміръ, при торжественномъ отреченіи своемъ отъ престола, равномѣрно высказалъ близость паденія Польши и даже поименовалъ, какія именно части Польши къ какимъ государствамъ отойдутъ. Въ началѣ царствованія Екатерины II необходимость раздѣла Польши до того была очевидна и сознавалась всѣми, что даже Турція, находясь въ тѣсной дружбѣ съ Польшею, дважды на посольскихъ съѣздахъ письменно предлагала Австріи чрезъ Боснійскаго и Бѣлградскаго пашей раздѣлить Польшу между собою. Самъ папа благословилъ буллою императрицу австрійскую Марію-Терезію раздѣлить Польшу съ Россіею и Пруссіею. И дѣйствительно, Австрія годомъ ранѣе Россіи заняла своими войсками польскія области, хотя въ нихъ не проживало ни одного австрійца, тогда какъ Россія возвращала тѣмъ древнія свои области, сплошь населенныя русскимъ, православнымъ народомъ.

Но и послѣ этого *перваго раздѣла*, продолжались

въ Польшѣ смуты и неустройства; шестнадцать лѣтъ спустя, Польша вмѣстѣ съ Турціею объявила войну Россіи. Стотысячное польское войско двинулось къ русской границѣ, но Русскіе вскорѣ разсѣяли польскую армію, и Екатерина, въ наказаніе Польшѣ, присоединила къ русскимъ владѣніямъ остальную часть Малороссіи, т. е. нынѣшнія губерніи: Волынскую, Подольскую и Минскую. Этотъ *второй раздѣлъ Польши* былъ въ 1793 году, слѣдовательно 70 лѣтъ тому назадъ.

Поляки смирились, но не прошло и полугода какъ въ Варшавѣ началось кровавое возстаніе противъ Русскихъ. Поляками предводительствовалъ Костюшко. Ночью, на страстной недѣлѣ Поляки бросились на русскіе отряды, расположенные въ Польшѣ, и начали безжалостно убивать безоружныхъ, сонныхъ солдатъ. Въ эту страшную ночь погибло въ одной Варшавѣ болѣе 2000 Русскихъ.

Чтобы наказать Поляковъ за этотъ вѣроломный поступокъ, русскія войска, подъ предводительствомъ Суворова, вступили въ Польшу, и взяли приступомъ укрѣпленное предмѣстье Варшавы—Прагу. Варшава покорилась побѣдителю. Тогда, чтобы прекратить постоянныя неустройства и мятежи въ Польшѣ, рѣшено было приступить къ *третьему и послѣднему раздѣлу* Польши. Россія присоединила къ своимъ владѣніямъ нынѣшнія губерніи: Виленскую, Ковенскую и Курляндскую, а Пруссія и Австрія присоединили къ своимъ областямъ остальныя польскія земли.

Такъ въ 1794 году, слѣдовательно 69 лѣтъ тому назадъ прекратилось существованіе отдѣльнаго Польскаго королевства, и польскія области вошли въ составъ сосѣднихъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи.

Восточная часть Украйны, по лѣвому берегу рѣки Днѣпра, находилась подъ властію Поляковъ 84 года, а западная Украйна, вмѣстѣ съ Литвою и Бѣлоруссіею, принадлежала Полякамъ 224 года.

VII.

Кіевъ и его достопримѣчательности.—Кіево-Печерская Лавра.—Города Украйны: Чигиринъ, Бердичевъ, Умань, Полтава, Переяславль, Изюмъ, Харьковъ, Черниговъ.

Миновалось для Украйны тяжелое времячко, прекратились битвы съ врагами, отдохнулъ народъ; длинноусые, чубатые казаки, бывшіе храбрые воины, занялись мирными промыслами. Пашетъ землю казакъ, торгуетъ на базарѣ, вырѣзываетъ медъ на пасекѣ, а не то—чумакуетъ, ѣдетъ въ Крымъ за солью, или на Донъ, за рыбою. Съ каждымъ годомъ растетъ и умножается народонаселеніе Украйны, вспоминая только въ пѣсняхъ, да въ преданіяхъ минувшее, невзгодное времячко. Украйна, послѣ своего присоединенія къ Россіи, по своему плодородію получила названіе *житницы Россіи*, на-равнѣ съ нѣкоторыми срединными губерніями. Много хлѣба, сала, шерсти, меда, и другихъ сырыхъ произведеній вывозится изъ Малороссіи какъ за границу, такъ и въ различныя губерніи Россіи; а чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда отъ Москвы проведется желѣзная дорога на Кіевъ и Кременчугъ, а оттуда на Одессу, къ Черному морю,—тогда торговля и благосостояніе Малороссіи еще болѣе увеличатся.

Много въ Украйнѣ богатыхъ, промышленныхъ селъ, деревень, хуторовъ; много и городовъ торговыхъ, богатыхъ, замѣчательныхъ по историческимъ воспоминаніямъ,

но древнѣе, красивѣе и богаче всѣхъ ихъ,—нашъ первопрестольный, златоверхій Кіевъ.

Древній русскій лѣтописецъ, и инокъ преподобный Несторъ повѣствуетъ, что Кіевъ основанъ былъ задолго до начала русскаго царства; построили Кіевъ три брата: Кій, Щекъ, и Хоривъ, вмѣстѣ съ сестрою своею Лыбедью. Мѣсто, на которомъ поселились три брата, было торговое, привольное; купцы или гости, проѣзжавшіе по Днѣпру, не могли миновать Кіева, а сами братья, по преданію, были перевозчиками, перевозили торговыхъ гостей съ одняго берега Днѣпра на другой. Небольшой хуторокъ Кія, Щека и Хорива вскорѣ превратился въ богатый, красивый городъ, который, по имени старшаго брата, Кія,—названъ былъ Кіевомъ.

Въ 882 году великій князь новгородскій Олегъ завладѣлъ Кіевомъ. Олегу понравился богатый Кіевъ; онъ рѣшился оставить отдаленный Новгородъ и поселиться въ новозавоеванномъ городѣ Кіевѣ. Преподобный Несторъ повѣствуетъ въ своей лѣтописи, что князь Олегъ сказалъ при этомъ: «да будетъ Кіевъ матерью городовъ русскихъ.»

Въ 988 году въ Кіевѣ принялъ христіанскую вѣру великій князь Владиміръ, а вмѣстѣ съ нимъ крестились также и всѣ Кіевляне; при Владимірѣ и его преемникахъ Кіевъ постепенно распространялся и украшался великолѣпными теремами и церквами. По сказаніямъ иноземцевъ уже и въ то время въ Кіевѣ было болѣе 400 храмовъ.

Много бѣдствій испыталъ златоглавый Кіевъ; его не разъ раззоряли Татары и Литовцы; наконецъ въ 1320 году Литовцы совершенно завладѣли Кіевомъ, и съ того времени нашъ древній, стольный городъ въ продолженіи 365 лѣтъ находился во власти иноземцевъ, сперва Литовцевъ,

а потомъ Поляковъ, и только въ 1686 году былъ снова присоединенъ къ Русскому царству.

Въ Кіевѣ, кромѣ многихъ древнихъ храмовъ, зданій и монастырей, замѣчательна въ особенности древняя Кіево-Печерская Лавра, богатый монастырь, куда ежегодно стекается на поклоненіе множество богомольцевъ.

Печерская лавра основана вскорѣ послѣ крещенія русскаго народа; многіе изъ христіанъ, желая посвятить себя на служеніе Богу, поселились въ лѣсахъ, окружавшихъ Кіевъ. Одинъ изъ отшельниковъ, священникъ села Берестова, по имени Иларіонъ, ископалъ себѣ въ крутомъ берегу Днѣпра небольшую пещеру и ежедневно приходилъ туда молиться Богу. Молва о строгой и добродѣтельной жизни Иларіона вскорѣ дошла до великаго князя Ярослава, назначившаго его митрополитомъ въ свой стольной городъ Кіевъ. Эта-та пещера, оставленная Иларіономъ, была впослѣдствіи первымъ жилищемъ иноковъ Кіево-печерской обители.

Вскорѣ послѣ назначенія Иларіона митрополитомъ въ Кіевъ, пришелъ туда монахъ съ Аѳонской горы, по имени Антоній, урожденецъ города Любеча. Желая посвятить себя на служеніе Господу, Антоній постригся въ монашество въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей; но настоятель, видя благочестіе русскаго инока, уговорилъ его возвратиться на родину въ Русь, для того, чтобы примѣромъ своимъ споспѣшествовать распространенію монашества въ новообращенныхъ земляхъ. Антоній прибылъ въ Кіевъ, посѣтилъ всѣ окрестные монастыри, но не пожелалъ вступить въ число иноковъ и рѣшился жить отшельникомъ въ кіевскихъ лѣсахъ. Онъ поселился въ пещерѣ, ископанной Иларіономъ, и проводилъ все время

въ постѣ и непрестанной молитвѣ. Вскорѣ къ святому подвижнику собрались другіе иноки, которые желая подражать ему въ благочестіи, также ископали себѣ пещеры. Св. Антоній устроилъ для нихъ небольшую церковь, благословилъ на иноческіе подвиги и навсегда удалился въ свою отдаленную пещеру, въ которой и провелъ безвыходно все остальное время своей жизни.

Такъ положено начало *Печерской* обители, которая получила это наименованіе потому, что первоначально братія ея жили въ пещерахъ. Но окончательное устройство получилъ Печерской монастырь только при настоятелѣ—преподобномъ Θеодосіи.

Святыя мощи иноковъ,—печерскихъ чудотворцевъ почиваютъ въ пещерахъ, которыя подраздѣляются на ближнія и дальнія: *ближнія пещеры* ископаны преподобнымъ Антоніемъ. Тамъ святый основатель Печерскаго монастыря провелъ послѣдніе годы своей жизни, и въ одной изъ нихъ почіютъ его святыя мощи подъ спудомъ. Рядомъ съ нимъ, на всемъ пространствѣ пещеръ, покоятся мощи его сподвижниковъ въ благочестіи. Девять изъ нихъ находятся подъ спудомъ (т. е. не открыты), а 64 почиваютъ открыто въ ракахъ, исключая мощей св. Іоанна многострадательнаго, который предъ своею кончиною самъ полузарылъ себя въ землю. Въ этомъ положеніи и по-нынѣ покоятся его нетлѣнныя мощи. Здѣсь же, невдалекѣ покоятся вмѣстѣ мощи 12 братьевъ иноковъ, строителей большой монастырской церкви.

Внутри пещеръ преподобнаго Антонія съ давнихъ временъ устроены три небольшія церкви.

Дальнія пещеры—называются иначе пещерами преподобнаго Θеодосія. Онѣ также ископаны святымъ Антоні-

емъ и его сподвижниками въ монашеской жизни. Здѣсь былъ первоначально погребенъ святой основатель Печерской обители, преподобный Θеодосій, но въ 1090 году святыя мощи его были перенесены въ большую монастырскую церковь. Въ дальнихъ пещерахъ покоятся 46 нетлѣнныхъ тѣлесъ святыхъ угодниковъ печерскихъ. Внутри пещеръ также устроены три церкви: одна во имя преподобнаго Θеодосія, другая во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а третья во имя Рождества Христова.

Кромѣ Кіева замѣчательны также въ Кіевской губерніи города: *Чигиринъ*, который прежде былъ главнымъ городомъ Днѣпровскихъ казаковъ. Близь Чигирина, въ селѣ Субботовѣ родился знаменитый гетманъ Богданъ Хмельницкій, освободитель Украйны отъ власти Поляковъ. Городъ *Бердичевъ* замѣчателенъ по своей торговлѣ; въ немъ ежегодно бываетъ 5 ярмарокъ, и изъ нихъ самая важнѣйшая по торговымъ оборотамъ—Θнуфріевская ярмарка. Всего, на всѣхъ ярмаркахъ въ Бердичевѣ продается и покупается товару на сумму до 50 милліоновъ рублей.

Въ Кіевской губерніи находятся также: мѣстечко *Борщаговка*, гдѣ по проискамъ Мазепы казнены были казацкіе полковники Искра и Кочубей, донесшіе царю Петру о измѣнѣ Мазепы, и мѣстечко *Умань*, о которомъ мы уже упоминали въ предъидущей главѣ, при разсказѣ о возстаніи казаковъ подъ предводительствомъ Желѣзняка и Гонты.

Въ Полтавской губерніи въ особенности замѣчателенъ губернскій городъ Полтава. Въ окрестностяхъ Полтавы, на берегу рѣки Ворсклы, царь Петръ I одержалъ надъ Шведами знаменитую побѣду. Въ память этой битвы, въ городѣ Полтавѣ воздвигнутъ памятникъ, а на томъ мѣстѣ, откуда Шведы своими выстрѣлами громили городъ, построенъ Кре-

стовоздвиженскій монастырь. Въ Полтавѣ и по—нынѣ сохранилась также церковь, во имя Нерукотвореннаго Спаса, въ которой Петръ I принесъ благодарственный молебенъ за дарованную ему побѣду.

Въ пяти верстахъ отъ Полтавы находится высокій курганъ, называемый «Шведскою могилой;» здѣсь погребены 1500 русскихъ воиновъ, павшихъ въ полтавской битвѣ. На ихъ могилѣ Петръ I собственноручно водрузилъ крестъ, на которомъ впослѣдствіи была сдѣлана надпись: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ваше.» Эти достопамятныя слова произнесъ самъ Петръ I, объѣзжая свои полки на—канунѣ полтавской битвы.

Кромѣ Полтавы, замѣчательны также въ Украйнѣ города: *Переяславль*, *Новгородъ-Сѣверскъ* и *Черниговъ*, бывшіе главными городами особыхъ удѣльныхъ княжествъ. Городъ *Изюмъ* замѣчателенъ по обширной торговлѣ пшеницею, которая отсюда отправляется въ Таганрогъ къ Азовскому морю, а оттуда за границу, въ иностранныя государства. *Харьковъ*, богатый торговый губернскій городъ, по преданію основанный казакомъ Харько. Торговля въ Харьковѣ ежегодно производится болѣе чѣмъ на 25 милліоновъ рублей.

Благосостояніе Украйны упрочилось со времени присоединенія ея къ Россіи. Теперь нѣтъ уже вокругъ Украйны враждебныхъ, безпокойныхъ сосѣдей. Польша присоединена къ Русскому царству, граница Россіи съ Турціею значительно отдалена отъ Украйны; широкія, привольныя степи на югѣ Украйны, гдѣ въ старину безпрерывно разъѣзжали большіе отряды Крымскихъ татаръ и Ногайцевъ, грабившихъ и опустошавшихъ пограничные города и села,—эта степь заселена нынѣ христіанскимъ, русскимъ населеніемъ.

VIII.

Плодородіе Украйны.—Мѣстные промыслы. — Чумаки. — Опасности, которымъ чумаки подвергались въ старину.—Зимній отдыхъ чумаковъ.—Чумацкія гнѣзда.—Степныя балки весною.—Встрѣча весны въ слободахъ и хуторахъ.—Весеннія работы.—Сборы чумаковъ въ дорогу.—Первый ночлегъ чумаковъ.

Всѣ губерніи бывшей Украйны замѣчательны своимъ плодородіемъ, но въ особенности плодородны Кіевская и Полтавская губернія. Климатъ въ этихъ губерніяхъ теплый и благорастворенный, такъ что здѣсь на открытомъ воздухѣ могутъ произрастать виноградъ и тутовое дерево, на которомъ разводятъ шелковичныхъ червей. Земля состоитъ изъ чернозема, и вовсе не требуетъ удобренія; оттого хлѣбопашество составляетъ главное занятіе жителей. Кромѣ того, въ Харьковской губерніи разводится много тонкорунныхъ овецъ. Много выгодъ доставляетъ также жителямъ занятіе пчеловодствомъ, винокуреніе, дубленіе кожъ, выдѣлка пеньки, которую преимущественно отправляютъ въ Петербургъ и Москву, и разведеніе свекловицы—для свеклосахарныхъ заводовъ. Выгодно также въ Малороссіи и занятіе садоводствомъ. Садовъ такъ много, что при недостаткѣ лѣсовъ срубаются на дрова грушевыя деревья и яблони. Сушеньемъ фруктовъ занимаются цѣлыя селенія, особливо въ Кіевской губерніи. Въ иномъ селѣ приготовляется въ лѣто нѣсколько десятковъ тысячь сушеныхъ грушъ и яблоковъ. У зажиточныхъ хозяевъ устроены для этого особыя «сушни,» у небогатыхъ же плоды сушатся просто, на печи, въ хатѣ.

Но любимое занятіе Малороссовъ—это чумачество. Слово *чумакъ* по татарски значитъ перевозчикъ. Еще въ ста-

рину, когда Крымъ былъ отдѣльной, независимой землею, многіе казаки, отправлялись въ Крымъ за солью или на Донъ, за рыбою. Такихъ казаковъ, приходившихъ въ Крымъ, Татары называли обыкновенно чумаками, и это татарское названіе сохранилось въ Украйнѣ и по настоящее время.

Чумаки, для поѣздокъ въ Крымъ, собирались обыкновенно по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Переправясь за Днѣпръ, чумаки въ прежнее время вымазывали дегтемъ свою одежду и рубашку, чтобы не заразиться въ Крыму чумою, заряжали ружья и доставали съ возовъ пики. Отъ Днѣпра начиналась уже татарская степь, которая и простиралась до перваго крымскаго города Перекопа. Проѣзжая степью, чумакъ каждую минуту ожидалъ нападенія Татаръ, и много храбрыхъ чумаковъ сложили свои головы въ этихъ непривѣтныхъ мѣстахъ; многіе изъ нихъ также кончили свою жизнь въ плѣну въ татарскихъ городахъ и аулахъ.

Теперь чумакамъ не грозятъ уже опасности во время ихъ дальнаго, труднаго пути. Молодица, поджидая своего запоздавшаго мужа—чумака, уже не плачетъ, не боится, что ея ненаглядный погибъ въ татарскихъ аулахъ. Увѣренные въ своей безопасности, чумаки рано весною нагружаютъ свои телѣги сушеными яблоками, деревянною и гончарною посудой, водкой, масломъ, сухарями, краснымъ товаромъ, хлѣбомъ, пшеномъ или льномъ, и спокойно отправляются въ путь. На Дону чумаки промѣниваютъ свой товаръ на вяленую рыбу—*тарань*, другіе же отправляются далѣе, въ Крымъ къ озерамъ за солью, или въ Одессу и Бессарабію.

Главная забота чумака—о его волахъ. Какъ только выпадетъ первый снѣгъ, чумакъ отдаетъ своихъ воловъ на

винокуренный заводъ, чтобъ откормить ихъ бардою. Если волы отданы на всю зиму, то чумакъ-малороссъ доволенъ и спокоенъ. Объ остальномъ хозяйствѣ онъ мало заботится; любимая его поговорка: «покою мій покою, любо мини съ тобою.» Заляжетъ чумакъ на печь на нѣсколько дней, и поглядываетъ оттуда, какъ жена съ утра до ночи хлопочетъ по хозяйству

—«А ты должно быть печку затопила?» спрашиваетъ онъ, чувствуя, что печка постепенно все болѣе и болѣе нагрѣвается.

— «Затопила,» отвѣчаетъ жена.

— «А за водой пойдешь?»

— «Пойду.»

— «А на дворѣ холодно?»

— «Холодно.»

— «Ну, пусть же холодно,» замѣчаетъ онъ, плотнѣе прижимаясь въ уголъ.

Разумѣется не всѣ чумаки остаются зимою безъ дѣла. Иные держатъ по 30 паръ воловъ для чумачества и ими же обработываютъ свою землю. У такихъ хозяевъ завсегда водятся залишнія деньги. Особенно богато живутъ въ такихъ слободахъ, или «чумацкихъ гнѣздахъ,» гдѣ чумаки отправляются въ извозъ большими артелями. Есть тамъ и такіе хозяева, что держатъ паръ 50 воловъ, человѣкъ 30 рабочихъ, нанимаютъ земли, берутъ на откупъ винокурни. Иной ходитъ въ сермягѣ и въ разорванныхъ сапогахъ, а между тѣмъ у него гдѣ нибудь подъ печкой или въ саду зарыто въ кубышкѣ тысячь триддать чистыми денежками.

Въ Малороссіи нигдѣ нельзя встрѣтить грязныхъ, курныхъ избъ, какія зачастую попадаются въ великорусскихъ селахъ и деревняхъ. Хата Малоросса всегда чисто выбѣлена, да и внутри хаты все прибрано и опрятно.

Зимой въ Малороссіи, какъ и вездѣ въ православной Руси, меньше работъ крестьянскимъ рукамъ. Крестьяне отдыхаютъ, кто отъ чумакованья, а кто отъ тяжелой, страдной поры. Оттого-то многіе и ждутъ зимы съ нетерпѣніемъ, и рады ей.

Вотъ миновалъ декабрь-студень и январь-сѣчень, скоро наступитъ февраль-бокогрѣй; были ужь теплые дни на Петра-полукормника и Тимофея-полузимника. Подъ яркими лучами солнца быстро затаяли болота и родники. Вотъ ужь досужія кумушки принесли вѣсть въ село, что затопило водой сосѣднюю балку, т. е. глубокій степной оврагъ. Такія балки, заливаемыя водой, бываютъ очень опасны. Подъѣдетъ иной разъ крестьянинъ къ балкѣ, смотритъ— она почти пустая; только снѣжокъ облегаетъ бока балки, да на днѣ воды по-колѣно. Но не успѣлъ еще крестьянинъ, рѣшившійся переѣхать балку въ бродъ, — не успѣлъ еще онъ добраться до другаго берега балки, какъ вдругъ хлынула вода изъ подъ растаявшаго сугроба, и затопила балку почти до краевъ. Возъ вмѣстѣ съ неосторожнымъ хозяиномъ уносится водою по теченію. Хорошо еще, если его скоро выкинетъ на берегъ, или если онъ зацѣпится гдѣ нибудь за дерево. Каждую весну погибаетъ много неосторожныхъ въ этихъ степныхъ балкахъ.

Весна быстро приближается; съ каждымъ днемъ становится все свѣтлѣе и теплѣе. Рабочій народъ: портные, скорняки, ткачи выносятъ, по обычаю, на улицу свѣчку, всю обмотанную нитками, и бьютъ ее кнутами, приговаривая: «теперь весна, а не зима; лежи до осени, а намъ посвѣтитъ и солнце.»

Вотъ ужь скоро кончится Великій постъ, пора хозяйкамъ убирать свою хату, приготовляться встрѣтить Свѣт-

лый праздникъ Христовъ. Образница (кіота), осѣненная иконою Межигорской Божіей Матери, особенно чтимой въ Малороссіи, украшается пучками засушенныхъ цвѣтовъ: желтой гвоздики, васильковъ и проч. Восковая свѣчка, съ которой стояли въ церкви въ страстной четвертокъ, припасена на случай грозы или пожара; тутъ же привѣшивается въ особомъ мѣшечкѣ ладонъ, а для умирающихъ — полотенце. Надъ дверью въ стѣнной впадинѣ ставится бережно сохраняемая «крещенская (или богоявленская) вода;» ею въ Малороссіи окропляютъ испуганныхъ дѣтей. Столъ гладко выструганъ и покрытъ бѣлою скатертью; на немъ лежитъ свѣжій хлѣбъ–паска. На длинной жерди отъ печи до стѣны развѣшаны въ порядкѣ. заячья шубка дочки, на голубомъ китайчатомъ подбоѣ, лисій шушунъ хозяйки, крытый зеленой, полосатой набойкою, шаровары и бѣлая свитка хозяина, мотки шерсти, полотенце, связки лука и проч. Хозяева хаты въ новыхъ свиткахъ и кобенякахъ, а хозяйки и дивчаты въ праздничныхъ намиткахъ ждутъ перваго друга въ колоколъ къ заутрени. Въ ночь, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья, въ Малороссіи ни въ одной хатѣ не заливаютъ и не тушатъ огня, и каждая хозяйка держитъ въ печкѣ *багатье*, т. е. горячіе угли, чтобы было чѣмъ засвѣтить свѣчку, когда семья воротится отъ заутрени.

Послѣ свѣтлаго праздника начинаются у крестьянина весеннія работы, да и пора: въ мартѣ (какъ говорятъ въ Малороссіи) «солнце начало уже парить землю,» а въ апрѣлѣ «стали прѣть покосы.» Въ день св. Руфа (*) рухнули послѣднія снѣжныя залежи, а какъ насталъ день пророка Іереміи (1-го мая),

(*) По присловію и народнымъ примѣтамъ.

то всѣ хозяева стали запрягать воловъ. Миновалъ Егорій съ водой и настала уже Никола съ травой. Птичка «посметьюшка»давно уже чиликаетъ: «покинь сани, возми возъ.» Вотъ ужь и май на исходѣ, и крестьяне говорятъ, что скоро отъ жары и мошекъ скотъ будетъ маиться. Идетъ въ хуторахъ и слободахъ спѣшная работа: заготовка яроваго, копанье грядъ въ огородѣ, поправка изгороди и ульевъ. А вечеромъ на улицахъ слободы пѣсни, смѣхъ, веселье! Дѣвушки вырядились всѣ въ лентахъ и въ цвѣтахъ, и съ пѣснями «выкликаютъ весну.»

Пора и чумаку отправиться въ далекій путь. Рано по–утру встаетъ хозяинъ–чумакъ и будитъ своихъ батраковъ, кормитъ и запрягаетъ своихъ воловъ; нагружаются возы, и чрезъ нѣсколько часовъ чумаки, сговорившіеся ѣхать вмѣстѣ, собираются въ одинъ обозъ. Прежде всего служатъ они молебенъ Божіей Матери–Одигитріи, потомъ начинается прощанье, разставанье съ семьей и съ родными. Чумакъ не беретъ съ собою въ дорогу много одежи. Съ нимъ взято всего двѣ рубашки; одну онъ надѣваетъ на себя, и уже не снимаетъ до тѣхъ поръ, пока не вернется домой, а другую онъ бережетъ въ возу. Ее надѣваютъ на чумака только въ томъ случаѣ, если онъ умретъ въ дорогѣ.

Чумаки отправляются въ путь всегда подъ вечеръ. У кого есть въ слободѣ своя любушка, тотъ идетъ съ нею проститься въ послѣдній разъ. «Ну друже,» говоритъ чумакъ своему товарищу–попутчику; «пойдемъ до моей дивчины проститься. Она тамъ ждетъ меня, возлѣ балки.»

Придетъ чумакъ къ своей любушкѣ, возметъ ее за бѣлыя руки, и долго стоитъ съ нею, тихо разговаривая. «Ну, вотъ же я и иду,» говоритъ чумакъ.

— «Иди, Господь съ тобой,» отвѣчаетъ красотка со вздохомъ.

— «Только я ужь тебя не забуду Настя; покарай меня Богъ, если я тебя забуду.»

— Не забывай, Грицю, а то я утоплюсь, а ужь за другаго не пойду.»

На прощаньѣ дѣвушка даетъ своему «названному» шитое полотенце (хустку), и чумакъ бережетъ его всю дорогу, какъ величайшую драгоцѣнность. Если же онъ умираетъ въ пути, то товарищи этой хусткой закрываютъ ему лице. Если дѣвушка подаритъ чумаку, предъ его отправленіемъ въ путь, полотенце, то это все равно, что она уже помолвлена за него, и ужь въ такомъ случаѣ она ни за что въ мірѣ не выдетъ за-мужъ за другаго.

Наконецъ чумацкій обозъ двинулся въ путь. На переднемъ возу обыкновенно находится пѣтухъ, котораго чумаки, по старинному обычаю, всегда берутъ съ собою въ дорогу. Ночью въ степи, когда очередные чумаки въ сторонѣ отъ дороги пасутъ воловъ, пѣтухъ своимъ пѣніемъ указываетъ, гдѣ находится обозъ. По пѣтуху узнаютъ въ дорогѣ часы ночи: когда полночь, и скоро ли разсвѣтетъ.

Отойдя версты на двѣ отъ села, обозъ останавливается на ночлегъ. «Это дѣлается для того,» говорятъ чумаки, «что собираясь въ путь, легко можно что нибудь позабыть; а тутъ, когда село близко, тотчасъ же можно пойти и взять забытое.»

IX.

Степная дорога чумаковъ.—Добываніе соли въ крымскихъ озерахъ.—Соляныя кагаты.—Складочныя мѣста для соли.—Овражки.—Болѣзнь чумака.—Знахари въ Украйнѣ.—Смерть чумака.—Возвращеніе чумаковъ на родину.—Погребальные обряды въ Украйнѣ.

Чумацкій обозъ называется ***валкой,*** и въ каждомъ обозѣ есть свой передовой чумакъ или ***ватажекъ.*** Часа за три до восхода солнца, ватажекъ будитъ чумаковъ, и обозъ (валка) ***зорюетъ***, т. е. трогается въ путь, чтобы до восхода солнца успѣть добраться до новаго привала. Со втораго привала чумаки поднимаются въ путь не ранѣе 6 или 7 часовъ, т. е. когда солнце поднимется надъ землею на два дуба. Въ день чумаки проходятъ верстъ 30, стараясь миновать солончаки, т. е. мѣстности, гдѣ земля пропитана солью; такихъ мѣстъ много на лѣвомъ берегу Днѣпра. Дорогой чумаки стараются какъ можно холить болѣе и беречь своихъ воловъ. Они отводятъ ихъ на пастьбу въ лучшія луга, поятъ изъ лучшихъ колодцевъ, платя за водопой съ каждой пары воловъ по 5 коп. сер., а на казенныхъ колодцахъ—по $1^1/_2$ к. сер. При казенныхъ колодцахъ постоянно живутъ также сторожа, и кромѣ того тутъ же выстроены небольшіе домики для больныхъ чумаковъ.

Чѣмъ болѣе чумаки приближаются къ Крыму, тѣмъ дорога становится глуше и безлюднѣе. Проселковъ почти вовсе нѣтъ; по ровной степи тянется одна широкая торная дорога. Трава въ степи иногда кажется желтоватою: это зной изсушилъ и пожегъ степную траву. Все тихо въ воздухѣ, только скрипятъ чумацкіе возы, да слышится мѣрная, тяжелая поступь воловъ и самихъ чумаковъ.

Уже недалеко чумакамъ и до Крымскихъ соляныхъ озеръ;

во время лѣтнихъ жаровъ вода въ озерахъ отступаетъ отъ береговъ и засыхаетъ толстою соляною корою. Въ это время у озеръ собирается много татаръ, колонистовъ и чумаковъ. Казенное промысловое управленіе распредѣляетъ работы и дѣлитъ весь осадокъ соли, лежащій на землѣ, на нѣсколько участковъ. Тотчасъ же начинается работа: чумаки лопатами берутъ илъ, покрытый солью, и даютъ ему осѣдать на берегу. Добытую соль возятъ тачками, на волахъ и на лошадяхъ. Работники подвязываютъ при этой работѣ подъ ноги деревянныя дощечки, потому что соляной растворъ или *тузлукъ* очень вреденъ: отъ него кожа на ногахъ трескается, и въ трещинахъ образуются упорныя раны. Одежда, сапоги и рукавицы работниковъ, пропитанныя солянымъ растворомъ, становятся жесткими, какъ самая твердая кожа.

Добытую соль складываютъ большими кучами, которыя называютъ *кагатами*. Чтобы кагаты не размывались дождями, ихъ снаружи обжигаютъ, такъ что сверху соляной груды образуется твердая, соляная кора. Лучшею, самою чистою солью считается *краснозерка* и *староозерка* изъ двухъ обширныхъ крымскихъ озеръ: Стараго и Краснаго.

Чумаковъ, пріѣхавшихъ въ Крымъ за солью, останавливаютъ въ первомъ крымскомъ городѣ Перекопѣ, выстраиваютъ въ рядъ съ возами, повѣряютъ сколько ихъ повозки могутъ вмѣстить соли, и затѣмъ выдаютъ отъ казны билеты для допуска къ солянымъ озерамъ. Изъ кагатовъ соль отпускается даромъ, но при обратномъ проѣздѣ чумаковъ чрезъ Перекопъ, берется съ каждаго воза установленная пошлина.

Многіе чумаки доставляютъ соль изъ Крыма въ складочныя мѣста на Днѣпрѣ, откуда соль водою перевозится въ западныя губерніи Россіи и въ Польшу. Главное складочное

мѣсто для соли находится въ Кременчугѣ; здѣсь въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ собирается множество чумаковъ.

Наконецъ соль сложена, деньги получены, и чумакъ, радуясь хорошему барышу, начинаетъ веселиться. Шинки открыты съ утра до ночи, и нерѣдко прокутившійся чумакъ, ставитъ — какъ говорится, — послѣднюю копѣйку ребромъ. Иногда чумакъ прогуливаетъ всѣ вырученныя деньги; тогда садится онъ на площади, надѣваетъ на бекрень свою высокую шапку, и начинаетъ пѣть извѣстную чумацкую пѣсню:

«Ѳй запивъ чумакъ, запивъ,
Сидя на рыночку:
Та й пропивъ чумакъ, пропивъ
Усю худобочку...»

Повеселившись вдоволь, чумакъ собирается въ обратный путь, на свою родину. Призадумавшись ѣдетъ онъ по торной дорогѣ. Какъ-то поживаютъ тамъ, въ его родномъ хуторкѣ? Здорова ли Ганна черноброваая? Хорошо ли идетъ хозяйство? Не истребленъ ли хлѣбъ прожорливой саранчею! Не попортили ли овражки засѣянныя поля?

Можетъ быть не всѣ знаютъ, что такое овражки, и до какой степени вредны они для успѣховъ сельскаго хозяйства въ Малороссіи. Овражки—небольшіе, красивые звѣрьки изъ породы «грызуновъ.» Они расплождаются въ степи и на поляхъ въ несмѣтномъ количествѣ, и иногда въ нѣсколько дней опустошаютъ поля на огромное пространство. Овражки рождаютъ дѣтенышей три раза въ лѣто, потому-то они и расплождаются такъ скоро. Много было испытано разныхъ средствъ для уничтоженія овражковъ, но всѣ эти мѣры приносятъ мало пользы. Пытались засыпать ихъ норы пескомъ или забивать клиньями, но

овражки спасались другими, незамѣтными ходами. Пробовали также удушать ихъ, наполняя нору, посредствомъ раздувальнаго мѣха, ѣдкимъ дымомъ. Чаще всего заливаютъ норки водою, но это возможно только въ небольшомъ хозяйствѣ, да и то если есть вблизи рѣка или глубокіе колодцы.

Когда хлѣба уже нальются и начинаютъ желтѣть, то въ это время въ полѣ, въ ясный знойный день почти безпрерывно раздается рѣзкій свистъ: это крикъ овражковъ. Они подгрызаютъ колосъ на вершокъ отъ земли, выбираютъ зерна, и съ раздутыми щеками проворно бѣгутъ спрятать зерна въ свою норку. Иногда овражки цѣлыми стаями переплываютъ широкія рѣки, какъ напр. Донецъ, и другія, и опустошаютъ еще нетронутыя поля.

Пріѣзжаетъ иногда чумакъ въ родное село и съ грустью узнаетъ, что овражки поѣли весь хлѣбъ,—не будетъ хорошаго урожая!

Случается иногда, что чумакъ сильно заболѣетъ дорогой, а въ степи кто ему поможетъ, кто избавитъ его отъ непрошенной, негаданной хворобы? Приходится бѣднягѣ страдать и терпѣливо ожидать своего смертнаго часа. Тогда чумаки останавливаются невдалекѣ отъ дороги, надѣваютъ на своего умирающаго товарища чистую рубаху, которую онъ взялъ съ собою изъ села, и начинаютъ тутъ же, вблизи рыть могилу. Умирающій исповѣдуется своему товарищу—родичу или же «побратиму,» и за отсутствіемъ священника, кается ему въ своихъ грѣхахъ.

Если успѣютъ чумаки добраться во-время до слободы, то они спѣшатъ отыскать знахаря или знахарку, чтобы онъ помогъ ихъ разнемогшемуся товарищу. Въ Украйнѣ почти въ каждомъ селѣ есть свой знахарь; онъ берется

лечить всякіе недуги: вылечиваетъ переполохъ, заговариваетъ отъ боли въ желудкѣ, нашептываетъ на зубы, даетъ убогимъ или погорѣвшимъ рубль на разживу. А въ досужій часъ знахарь удивляетъ все село своими «чарами.» Возметъ змѣю въ руки и держитъ ее какъ ни въ чемъ не бывало! Дивчата сторонятся отъ него, ребятишки кричатъ, плачутъ, сами не зная о чемъ, а знахарь только молча обвиваетъ змѣю вокругъ своей руки, или кладетъ ее къ себѣ, за пазуху. Никто изъ хуторянъ не знаетъ, отчего змѣя не можетъ ужалить такого знахаря— а между тѣмъ дѣло очень просто: знахарь заранѣе натираетъ свои руки наваромъ изъ коры или листьевъ ясени, или вытираетъ свое тѣло испортившимся саломъ. Чумаки почти всегда обращаются къ такимъ знахарямъ, вполнѣ увѣренные, что «онъ знаетъ много,» и что будто бы «въ его власти вылечить заболѣвшаго отъ его хворобы.»

Умершаго чумака товарищи хоронятъ при дорогѣ и на его могилѣ ставятъ шестъ, къ привязанною къ нему хусткою (полотенцемъ.) Обозъ ѣдетъ далѣе, и въ ближайшемъ селѣ останавливается не надолго. Одинъ чумакъ идетъ къ пономарю, и нанимаетъ его «звонить по душѣ;» въ тоже время чумакъ, принявшій предсмертную исповѣдь умершаго, идетъ передать ее священнику.

— «Что тебѣ надобно?» спрашиваетъ священникъ пришедшаго чумака.

— «Пришелъ просить вашей милости; товарищъ отдалъ Богу душу, на дорогѣ. Примите грѣхи, я ихъ принесъ.»

Священники въ Малороссіи знаютъ уже этотъ обычай чумаковъ, выслушиваютъ грѣхи умершаго, и ѣдутъ вмѣстѣ съ товарищемъ умершаго чумака къ могилѣ, «печатать гробъ,» т. е. совершить надъ могилою всѣ погребальные обряды и отслужить панихиду.

А между тѣмъ въ селѣ чумаковъ ждутъ—не дождутся. Хозяйка выбѣлила хату на-чисто, подкрасила печь красной краской и вывела на ней синей краскою разные узоры. Наконецъ чумацкая валка приближается къ селу. «Идутъ, идутъ наши чумаченьки!» раздается по селу общій, радостный крикъ, и со всего села собираются къ околицѣ дѣвушки и молодицы. Начинаются обниманья, разспросы... «А гдѣ же Максимъ Жилюкъ?» спрашиваютъ молодицы.

— «У Бога!» угрюмо отвѣчаютъ чумаки.

— «А гдѣ моя Оксана?» спрашиваетъ одинъ изъ чумаковъ, не видя въ толпѣ своей любушки, нареченной невѣсты.

— «Жива Оксана,» отвѣчаютъ ему молодицы, «только она больна; вторая недѣля пошла, какъ ужь Оксана не встаетъ съ печи.»

И спѣшитъ чумакъ навѣстить свою суженую, порадовать ее своимъ пріѣздомъ. Но случается иногда, что онъ находитъ ее исхудалою отъ болѣзни, умирающею. Не чаялъ чумакъ, возвращаясь изъ далекаго пути, что ждетъ его дома тяжкое горе! Не зналъ онъ, что скоро придется ему тосковать на могилѣ своей любушки!

Если въ Украйнѣ умираетъ дѣвушка, помолвленая за парня, то ее хоронятъ особенно торжественно, исполняя вмѣстѣ съ похоронными, также и многіе свадебные обряды. На хоругви и кресты, съ которыми въ Украйнѣ всегда провожаютъ въ могилу покойника, навѣшиваютъ все лучшее изъ приданаго умершей дѣвушки: ленты, штофные пояса, мониста (ожерелья) и проч. Гробъ также украшается кусками холста и тканей, приготовленныхъ на свадебные наряды. Умершую одѣваютъ въ лучшее платье, и покрываютъ цвѣтами. Похоронами въ этомъ случаѣ всегда распоряжа-

ется молодежь. Даже самыя причитанья бабъ и молодокъ при этомъ смѣшиваются съ свадебными пѣснями. Дѣвушки поютъ: «ой, наша Оксаночка засваталась, съ Омелькомъ обвѣнчалась....» Еще грустнѣе становится на душѣ у каждаго, послѣ похоронъ молодой дѣвушки—невѣсты.

X.

Наступленіе осени въ Украйнѣ.—Зимній отдыхъ отъ работъ —Рождественскіе праздники.—Колядки и щедривки.—Встрѣча Новаго года.—Мятели въ степи.

Между тѣмъ быстро проходятъ послѣдніе дни лѣта краснаго. Миновалъ августъ-серпень; хмѣль и желуди уже собраны. 1 сентября празднуется память св. Симеона, и крестьяне называютъ этотъ день: «Семенъ-лѣтопроводъ.» По малороссійскому повѣрью Семенъ-лѣтопроводъ обходитъ дозоромъ пашни, сады, огороды, чтобы нигдѣ не было недостатка, чтобы овощи и плоды вездѣ были спѣлы и сочны. Лѣтнія работы кончены; теперь крестьянину есть время отдохнуть и понѣжиться на печкѣ; отдыхаютъ и чумаки послѣ своего труднаго пути. На Возвиженье, по другому малороссійскому повѣрью, всѣ гады сдвигаются по мѣстамъ. Наступаетъ бабье лѣто; подъ вечеръ на улицѣ слободы собирается много бабъ и молодицъ; всѣ они сидятъ на завалинкахъ или *при избахъ*, словно лѣтомъ въ праздникъ, и толкуютъ о томъ, о семъ. Приходятъ въ села и *щетинники*, т. е. разнощики, торгующіе гребнями, серьгами, иголками, лентами, ладаномъ и другимъ товаромъ. Бабы спѣшатъ вымѣнять на этотъ незатѣйливый товаръ залишнее сало, пеньку, либо гусиный пухъ.

Оглянуться не успѣешь, какъ ужь и осень прошла. Начались по утрамъ заморозки, а на Ѳеодора Студита начало уже сильно студить. Скоро придетъ Егорій съ мостомъ, значитъ встанутъ рѣки, а тамъ не далеко и до Николы съ гвоздемъ: начнутся зимніе, крутые морозы, предъ праздникомъ Рождества Христова. Молодицы и парни всегда рады этому праздничку. На колядкахъ и щедривкахъ найдется случай перемолвить два-три слова съ своей любушкой. Да и всѣ взрослые охорашиваются къ рождественскимъ святкамъ. Хуторяне ходятъ съ подбритыми затылками и съ подстриженными усами, а дѣвки—въ лентахъ и красныхъ сапожкахъ, постукивая на морозѣ желѣзными подковами своихъ каблуковъ. Повсюду раздаются святочныя пѣсни; дивчата поютъ:

«Ой рыбка жъ ты рыбка,
Ты моя пара,
Святый вечеръ!

У нашего пана
Хорошая пани,
Святый вечеръ!

У пана Ивана
Дочка стояла
Святый вечеръ!

Она убиралась,
Въ церковь снаряжалась,
Въ церковь панночка взошла
Какъ заря разсвѣла,

Тихо, тихо встала,
Да такъ и засіяла.
Тутъ міряне были
У нея спросили:

Что ты королевна,
Или ты царевна?
Я не королевна,
Да и не царевна,
Я отцева дочка
Панна Марьяна »

Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ этой пѣсни-колядки, припѣвается: «святый вечеръ!»

Пѣсни *щедривки* прославляютъ щедрость и гостепріимство; парни поютъ: «щедрый вечеръ, добрый вечеръ, всѣмъ людямъ на весь вечеръ; пане господарю, съ праздникомъ поздравляю.»

На Васильевъ вечеръ ребятишки собираются гурьбой и ходятъ съ мѣшками подъ окнами, распѣвая:» Щедрикъ, ведрикъ, дайте вареникъ, грудочку каши, кильце колбаски.» Хозяева хатъ подаютъ имъ, кто хлѣбъ, кто кусокъ пирога или колбасу. А взрослыя дивчата, взявшись подъ руки, ходятъ толпою по улицамъ и поютъ:

«Ивашко всталъ, лукомъ забряцалъ,
Зоветъ братьевъ въ поле, тамъ куница на деревѣ,
Куница на деревѣ, а дѣвки въ теремѣ.»

Молодые парубки преслѣдуютъ дивчатъ, ловятъ ихъ, бросаютъ въ нихъ снѣжными комьями, а дѣвушки дразнятъ парней новой пѣсней:

«Поѣхали парни на ловы
До зеленой дубровы;
Тамъ поймали комара,
Комара-звонаря.
Стали они суды судить
Промежъ собой комара дѣлить.»

Новый годъ также весело встрѣчается въ Украйнѣ. У Малороссовъ есть повѣрье, что если хозяинъ хаты въ этотъ день, сѣвъ за столъ, не увидитъ изъ за груды пироговъ своей хозяйки, то это хорошая примѣта; значитъ во весь годъ запасы хлѣба у него не переведутся. Въ Новый годъ ребята чистенько одѣваются, и идутъ къ своимъ крестнымъ отцамъ и матерямъ, неся въ мисочкахъ пироги, хлѣбъ и квасъ. Войдя въ хату, они кланяются и говорятъ: «батько да мать прислали вамъ это; вечеряйте на здоровье.» А на зарѣ опять вбѣгаютъ въ хаты толпы ребятишекъ, съ рукавицами, шапками и платками, наполненными гречихой, овсомъ, просомъ и проч. Они разбрасываютъ зерна по хатѣ, приговаривая: «на счастье, на здоровье, уроди Боже жито, пшеницу и всякую пашницу! Сито, сито, кидаемъ жито! Куда махнемъ, тамъ и хлѣбъ найдемъ; съ того колосочка будетъ муки бочка. Мы того желаемъ, съ праздничкомъ поздравляемъ; съ новымъ годомъ и съ Василемъ!»

Въ Новый годъ всѣ хаты бываютъ вычищены и выметены, полъ усыпанъ пескомъ, въ глиняныхъ курильницахъ у образовъ курится ладонъ. Священникъ заходитъ въ хаты съ крестомъ и молитвою, освящаетъ и кропитъ св. водою всѣ окна и двери, на счастье и довольство цѣлаго года.

Праздники проходятъ весело, хотя морозъ и крѣпчаетъ со дня на день. Разгулявшіеся парни и дивчата не боят-

ся морозовъ, но иногда большою помѣхой праздничному веселью бываютъ мятели, которыя особенно опасны въ степяхъ. Есть повѣрье, что въ зиму непремѣнно бываетъ семь морозовъ и семь мятелей: михайловскія, введенскія, екатериненскія, никольскія, крещенскія, срѣтенскія и власьевскія. Въ мятель снѣгъ не всегда одинаково крутится порывами сильнаго вѣтра, а потому въ Украйнѣ мятели извѣстны подъ разными названіями. Иногда въ воздухѣ бываетъ тихо и туманно, снѣгъ медленно опускается влажными хлопьями, въ одинъ день заметаетъ всѣ дороги, поля и села; такая мятель называется *мря*. Гораздо опаснѣе другая мятель,—*шквиря* или *завійныця*, когда по полямъ цѣлый день бушуетъ вѣтеръ и наноситъ цѣлые сугробы мокраго снѣга, и обледенѣлыхъ дождевыхъ капель. Мятель *завирюха* похожа на шквирю, но бываетъ только въ ясные дни; тогда по степи, иногда нѣсколько сутокъ сряду, кружатся и переносятся съ мѣста на мѣсто цѣлые ворохи оледенѣлаго снѣга. Это мятель не опасная, низовая, однако же путники, застигнутые ею, съ безпокойствомъ поглядываютъ на небо, хотя и ясное, но словно подернутое блѣднымъ, красноватымъ отблескомъ. Всѣ спѣшатъ поскорѣе добраться до ночлега, опасаясь, что вслѣдъ за низовою мятелью подымется *верховая* или *валовая* мятель. Опасенія путниковъ почти всегда сбываются. Медленно надвигаются на небо сѣрыя, тяжелыя тучи, падаетъ густой снѣгъ, завоетъ вѣтеръ и разыграется мятель. Тогда во всѣхъ сельскихъ церквахъ звонятъ въ колокола, давая знать заблудившимся о близости жилья. Но порывы вѣтра заглушаютъ иногда колокольный звонъ, и тогда для заблудившихся остается только одно средство спасенія: остановиться гдѣ нибудь на произволъ судьбы, и ждать, пока мятель засы-

плетъ заблудившагося рыхлымъ снѣгомъ. Чтобъ не задохнуться подъ снѣжнымъ наметомъ, пробиваютъ въ наружу отверзтіе. Утихнетъ мятель,—тогда можно какъ нибудь разрыть сугробъ и выбраться на свѣтъ Божій; но чтобъ пробраться между сугробами снѣга, нанесенными мятелью, почти всегда приходится перепрягать лошадей, и ѣхать гуськомъ.

Гораздо опаснѣе блуждать въ мятель, отыскивая дорогу. Разсказываютъ, что въ одномъ селѣ молодица пошла въ мятель къ сосѣдкѣ, попросить квасу, и возвращаясь въ свою хату, заблудилась. Ждалъ, ждалъ ее отецъ,—нѣтъ дочки Маруси! Дѣлать нечего, пошелъ онъ отыскивать дочку, бродилъ долго, кликалъ,—наконецъ и самъ едва не заблудился. На другой день утромъ, когда утихла мятель, нашли Марусю въ сто шагахъ отъ хаты замерзшею.

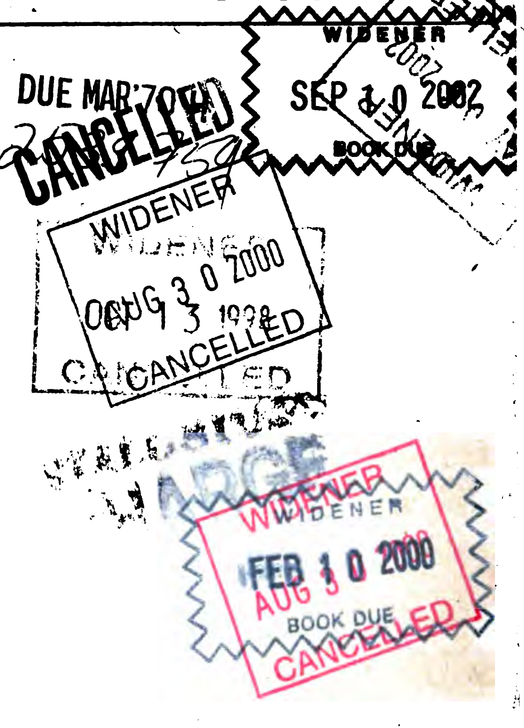
Разсказываютъ еще, что какъ-то разъ ѣхалъ губернаторъ въ своей каретѣ. Дорогой разыгралась мятель; кучеръ сбился съ пути, долго блуждалъ по степи, наконецъ остановился, и карету всю до верху занесло снѣгомъ, такъ что только виднѣлось одно окно. Въ это время блуждалъ также по степи одинъ чумакъ, разыскивая дорогу. Увидавъ огонекъ въ окнѣ кареты, онъ обрадовался, предполагая, что подъѣхалъ къ хатѣ, остановилъ свой возъ, и постучался въ окно, говоря: «добрый вечеръ! А что, хозяинъ дома? Пустите переночевать.»

Когда мятелью занесетъ до верху всю хату, тогда Малороссы не-хотя слѣзаютъ съ теплой печи, и принимаются разрывать тропинки отъ хаты къ *саж̌ъ*, гдѣ откармливаются кабаны, къ амбару, откуда хозяйка достаетъ всякія запасы, и къ калиткѣ, потому что оттуда идетъ

прямая дорога въ шинокъ. Ворота почти всегда остаются занесенными снѣгомъ до весны или до оттепели.

Таковъ мирный бытъ Малороссовъ—слобожанъ и хуторянъ. Много сохранилось въ Украйнѣ стародавнихъ обычаевъ, соблюдавшихся еще въ то время, когда Украйна была независимою землею, и когда казаки безпрерывно враждовали съ своими сосѣдями: Ляхами, Татарами и Турками. Но въ настоящее время во многихъ малороссійскихъ селахъ и слободахъ, приняты также и нѣкоторыя *великорусскіе* обычаи. Пройдетъ много лѣтъ, и козацкая Украйна соединится съ Великою Русью, также и по языку и обычаямъ, какъ соединилась она въ старые годы, подъ державною властью православнаго русскаго царя.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

DUE MAR 7 '70
CANCELLED
WIDENER
SEP 10 2002
BOOK DUE
WIDENER
AUG 30 2000
OCT 13 1998
CANCELLED
WIDENER
FEB 10 2000
AUG 3
BOOK DUE
CANCELLED